Новые архивные материалы к биографии С. И. Климчицкого: об одной забытой странице истории памироведения

Н. И. Киреев

Высшая нормальная школа (Париж, Франция);
niyazkireyev@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9722-9669

В. А. Плунгян

Институт языкознания РАН (Москва, Россия);
plungian@iling-ran.ru; ORCID: 0000-0002-2393-1399

Аннотация. Предпринимается попытка реконструкции биографии Сергея Ивановича Климчицкого (1900 — после 1947), одного из первых профессиональных лингвистов, занимавшихся полевой работой с языками Памира. Прежде не было опубликовано ни одного исследования, посвященного специально С. И. Климчицкому, а сведения о его жизни, приводившиеся в памироведческих работах и в мемуарной литературе, отрывочны и часто неточны. В статье вводятся в оборот многочисленные архивные документы, позволяющие восстановить основные вехи биографии Климчицкого.

Ключевые слова: история лингвистики, обучение грамотности, полевая лингвистика, Бадахшан, Памир, ваханский язык, таджикский язык, шугнанский язык, ягнобский язык, иранские языки.

Благодарности. Благодарим за содействие в архивных, библиографических и генеалогических разысканиях Керстин Берке, Е. В. Будаеву, П. А. Дружинина, Мартина Кривета, С. Г. Медведева, И. Ф. Попову, Бьянку Ринер, Е. Д. Сорокину, Лероя Хезе, Т. В. Хромцову, Лариссу Хубер и Николь Якоби, за замечания и комментарии к первоначальному варианту статьи — А. П. Выдрина, П. Б. Лурье и Д. Н. Чекмасова. Особая благодарность — внуку С. И. Климчицкого Андрею Юрьевичу Балашову, поделившемуся с нами фотографиями и документами из семейного архива. Исследование В. А. Плунгяна выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0006.

Для цитирования: Киреев Н. И., Плунгян В. А. Новые архивные материалы к биографии С. И. Климчицкого: об одной забытой странице истории памироведения // Индоиранские языки. 2026. 2 (2). С. 147–197.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.6

© Н. И. Киреев, В. А. Плунгян, 2026

New archival sources on the life of Sergey Klimchitsky: A forgotten chapter in the history of Pamir linguistics

Niyaz I. Kireyev

École normale supérieure — PSL (Paris, France);
niyazkireyev@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9722-9669

Vladimir A. Plungian

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
plungian@iling-ran.ru; ORCID: 0000-0002-2393-1399

Abstract. This article reconstructs the biography and career of Sergey Ivanovich Klimchitsky (1900 — after 1947), one of the earliest professional linguists to conduct systematic fieldwork in the Pamirs. Although his publications on Wakhi and Yaghnobi, as well as on Tajik dialectology have long been known to specialists, no dedicated biographical study of the scholar has previously been undertaken, while the limited information available in reference works and memoir literature has remained fragmentary and often inaccurate. Drawing on a broad range of previously unpublished archival materials from Russian, German, Austrian, and Lithuanian repositories, including personal files, institutional records, correspondence, and documents from family archives, the article reconstructs the principal stages of Klimchitsky's life and intellectual activity.

Particular attention is devoted to his formative years in Petrograd, his education at the Institute of Living Oriental Languages, and his work in Tajikistan during the 1920s and 1930s. The study demonstrates that Klimchitsky played a significant role not only in the early documentation of the Pamir languages, but also in broader Soviet language-planning and literacy campaigns. His publications are shown to be of a remarkably high theoretical level for their time.

In addition, the paper clarifies a number of long-standing misconceptions concerning Klimchitsky's social background, arrest, wartime fate, and disappearance. Newly identified archival evidence makes it possible to trace his trajectory from besieged Leningrad to the North Caucasus and subsequently to Germany and Austria during and after the Second World War. More broadly, the article seeks to restore Klimchitsky to his rightful place in the history of Pamir linguistics and

Soviet Iranian studies, highlighting his contribution as an innovative and insufficiently recognized field linguist of the interwar period. Appendix contains a full list of his identified publications.

Keywords: history of linguistics, literacy education, field linguistics, Badakhshan, Pamir, Shughni, Tajik, Wakhi, Yaghnobi, Iranian.

Acknowledgements. We would like to thank Kerstin Berke, E. V. Budaeva, Petr A. Druzhinin, Martin Kriwet, Sergei G. Medvedev, Irina F. Popova, Bianca Riener, Elizaveta D. Sorokina, Leroy Haese, Tatiana V. Khromtsova, Larissa Huber and Nicole Jakobi for their cooperation; and for their comments and feedback on the initial draft of the article — Arseniy P. Vydrin, Pavel B. Lurje and Dmitry N. Chekmasov. Special thanks to Sergey I. Klimchitsky's grandson, Andrey Yuryevich Balashov, for sharing photographs and documents from the family archive with us. Vladimir Plungian acknowledges support from project FMNE-2025-0006.

For citation: Kireyev N. I., Plungian V. A. New archival sources on the life of Sergey Klimchitsky: A forgotten chapter in the history of Pamir linguistics. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2 (2). P. 147–197.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.6

1. Введение

Как известно, материал памирских языков[1] оказался в распоряжении европейских исследователей относительно поздно — по существу, только в конце XIX в., когда обширная и труднодоступная территория памиро-гиндукушского региона оказалась предметом ко-

[1] Термин «памирские языки» является достаточно условным обозначением группы языков, обладающих заметным ареальным сходством, но в отношении генеалогической классификации не обнаруживающих единства внутри (восточно)иранской ветви. В составе памирского ареала принято выделять обширный шугнано-рушанский диалектный континуум и примыкающий к нему в генеалогическом отношении (как показано уже в [Соколова 1967]) язгулямский язык; высоковероятно также генеалогическое родство между шугнано-язгулямским и йидга-мунджанским [Соколова 1973]. Однако специальное генеалогическое родство расположенных в южной части памирского ареала ваханского и ишкашимско-сангличского как друг с другом, так и с другими представителями восточноиранской ветви (как, впрочем, и само существование такого таксона) в настоящее время является предметом дискуссий (ср. в особенности [Wendtlandt 2009; Korn 2019]). Подробнее об ареальных характеристиках памирских языков см. также [Payne 1989; Додыхудоева 2005; Edelman, Dodykhudoeva 2009]; о ранней истории их изучения — [Соколова, Грюнберг 1962; Эдельман 1964].

Сергей Иванович Климчицкий (1900 — после 1947)

лониальной экспансии и геополитических интересов европейских держав, прежде всего — Российской и Британской империй: первая продвигалась с севера на юг, из Бухарского эмирата и Семиречья, вторая — с юга на север, из Читрала и Кашмира (подробнее об истории этого периода см., например, [Постников 2005]). Самые первые лингвистические сведения, как это обычно бывает, доставляли путешественники, дипломаты, армейские офицеры и другие люди, для которых описание языков не было ни предметом профессиональных занятий, ни главной целью пребывания в регионе[2]; некоторые их материалы обрабатывались современными им академическими исследователями[3], и полученную таким образом весьма фрагментарную картину в дальнейшем уже начинали дополнять (и местами конструировать заново) профессиональные полевые лингвисты, фактические основатели современного научного памироведения.

Среди этого первого поколения полевых лингвистов, систематически работавших на Памире и заложивших основы современных знаний о памирских языках, выделяются две ведущие фигуры: российский исследователь Иван Иванович Зарубин (1887–1964) и норвежский исследователь Георг Моргенстьерне (1892–1978). Об их жизни

[2] Важную роль на этом этапе сыграл дипломат Р. Шоу, опубликовавший в 1876–1877 гг. материалы по ваханскому, сарыкольскому и шугнанскому языкам, до этого времени в Европе совершенно не известным.

[3] К их числу принадлежали, например, австрийский востоковед Вильгельм Томашек и российский востоковед Карл Германович Залеман, оставившие целый ряд научных работ (главным образом сравнительно-исторического характера), в основе которых лежали обработанные ими материалы первых исследователей Памира.

и деятельности написано много, что вполне соответствует их огромному вкладу в разные сферы памироведения. Однако этими двумя исследователями, безусловно, не исчерпывается список первого поколения ученых-памироведов. Рядом с ними работали и другие коллеги. Так, первая поездка И. И. Зарубина на Памир летом 1914 г. стала возможной благодаря его участию в экспедиции под руководством Робера Готьо (1876–1916), французского ираниста, известного главным образом благодаря его исследованиям согдийских памятников (экспедицию пришлось прервать из-за начавшейся Первой мировой войны, унесшей жизнь Р. Готьо в 1916 г.). С первого десятилетия XX в. начинается многолетняя деятельность Михаила Степановича Андреева (1873–1948), уроженца Ташкента, этнографа и востоковеда широкого профиля, собирателя разнообразных материалов, касающихся народов Индии и Средней Азии (часть их была издана уже после смерти М. С. Андреева).

Все перечисленные выше имена хорошо известны. Между тем в настоящих заметках мы хотели бы обратить внимание на исследователя, чей вклад в изучение памирских языков отражен в существующей литературе гораздо меньше и большинство фактов биографии которого (включая даже даты жизни![4]) до сих пор не были надежно установлены; изредка приводившиеся в научных публикациях сведения о нем неполны, а зачастую и вовсе неверны. Речь идет о Сергее Ивановиче Климчицком, работавшем в 1930-е гг. в Таджикистане, а позднее — в ленинградском Институте востоковедения АН СССР. С 1930 по 1940 гг., в наиболее продуктивный для его научных занятий период, им было опубликовано около десятка работ по таджикскому языку и его диалектам (в том числе по практически не изученным тогда диалектам Дарваза), а также по ваханскому, язгулямскому и ягнобскому языкам; эти работы заметно выделяются на общем фоне и в ряде отношений и сегодня являются значимыми.

[4] Так, неверные годы жизни С. И. Климчицкого указаны в публикациях [ЛЭС 1990: 670; Медведев и др. 2013: 185–186; Каландаров 2020: 78], а также на сайте Института восточных рукописей РАН (https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=1354). В [ЛЭС 1990] он упоминается единственный раз в обзорной статье В. С. Расторгуевой «Иранистика» — и лишь как один из первых исследователей ягнобского языка [Там же: 200]; о его вкладе в изучение ваханского и таджикского языков ничего не говорится.

Примечательно, что Д. И. Эдельман в раннем обзоре памироведческих исследований называет только три имени российских ученых, которым принадлежит «заслуга первых обширных записей» памирских языков: это М. С. Андреев, И. И. Зарубин и С. И. Климчицкий [Эдельман 1964: 130–131]. О Климчицком она, в частности, сообщает, что он в 1930-е гг. собирал «материал по язгулямскому, ваханскому и шугнанскому ⟨...⟩ (материалы С. И. Климчицкого, к сожалению, были утеряны во время Отечественной войны)» [Там же: 130]; и далее добавляет, что «[и]з работ 30-х годов следует отметить работу С. И. Климчицкого по ваханскому языку ⟨...⟩; его замечания по фонетике и фонологии, а также сведения по морфологии, составленные в виде дополнений к Grundriss[5], отличаются высоким теоретическим уровнем» [Там же: 131].

С оценкой Д. И. Эдельман нельзя не согласиться: ваханские тексты записаны Климчицким с большой точностью, в рассуждениях об особенностях ваханской звуковой системы он использует понятия теоретической фонологии (что для середины 1930-х гг. является редкостью), а его дополнения и комментарии к очерку В. Гейгера проницательно указывают на многие неточности и лакуны последнего (ср. также положительную рецензию на это исследование В. Ф. Минорского [Minorsky 1937]). Вместе с тем, непростые обстоятельства жизни и деятельности этого талантливого и самобытного исследователя до сих пор во многом не известны, и его имя практически не упоминается в обзорных работах по истории памироведения. Ниже мы по мере возможности постараемся хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Для иллюстрации того, насколько самые основные факты биографии С. И. Климчицкого оказались забыты уже примерно через два поколения, поучительно привести несколько цитат из некролога [Медведев и др. 2013], написанного по случаю кончины старшего сына Климчицкого, Юрия Сергеевича Балашова, ставшего извест-

[5] Т. е. «Grundriss der iranischen Philologie» в двух томах: здесь имеется в виду очерк немецкого индолога и ираниста Вильгельма Гейгера о «памирских диалектах» [Geiger 1901], в основном опирающийся на материалы В. Томашека и К. Г. Залемана и помещенный в указанном двухтомнике; это издание (выходившее в 1895–1904 гг.) долгое время считалось наиболее авторитетным компендиумом по языкам, литературе и религии иранских народов.

ным зоологом (о нем см. подробнее ниже, разделы 5 и 6). К моменту написания некролога давно уже не было в живых матери Юрия Сергеевича (и вдовы Климчицкого); сам же Юрий Сергеевич последний раз видел отца в детстве, в девятилетнем возрасте. Авторы некролога, по-видимому, опирались на какие-то устные рассказы о семейном прошлом, но практически все сведения об отце Балашова, сообщаемые в некрологе, оказываются неточны. Так, о нем говорится, что он «работал в Институте востоковедения Академии наук СССР, посвятив свою жизнь изучению истории Персии» [Там же: 185], но «историей Персии» С. И. Климчицкий не занимался не только не «всю жизнь», но, кажется, и вообще никогда — он был специалистом по иранским языкам Таджикистана (где и работал до конца 1930-х гг.; в ленинградский Институт востоковедения он устроился лишь незадолго до войны и проработал там немногим более двух лет). Утверждается также, что «[в] 1930-е годы Климчицкий как “потомок представителя враждебного класса” неоднократно подвергался арестам» [Там же: 185]. С. И. Климчицкий действительно был сыном дворянина, но его отец (о нем подробнее будет сказано ниже в разделе 2) умер еще до революции 1917 г., а сам Климчицкий окончил советский вуз, служил в Красной Армии и впоследствии, как многие молодые интеллигенты, активно участвовал в советском национальном строительстве в Таджикистане. У него действительно были основания опасаться за свою судьбу — не только из-за своего происхождения, но и из-за участия в проекте таджикско-русского словаря, подвергавшегося начиная с 1933 г. жесткой критике по партийной линии, а также знакомства с рядом исследователей и общественных деятелей Центральной Азии, которые позже были репрессированы. В 1938–1939 гг. Климчицкий почти год находился под (однократным!) арестом, но, судя по доступным архивным материалам, в 1939 г. был освобожден в связи с прекращением дела. Возможно, этот эпизод послужил одной из причин его переезда в Ленинград в конце 1939 г., где он, впрочем, сразу же был принят на работу в Институт востоковедения АН СССР. Наконец, обстоятельства смерти С. И. Климчицкого описываются так: «пропал без вести в Краснодарском крае во время археологической экспедиции летом 1941 г.» [Там же: 186], что никак не может быть достоверным: во-первых, С. И. Климчицкий не был археологом и, насколько мы можем судить, не участвовал

в археологических экспедициях, во-вторых, летом (!) 1941 г. экспедиции из Ленинграда вряд ли вообще были мыслимы: войска вермахта к началу июля 1941 г. заняли Псков и приближались к Луге и Новгороду. В действительности С. И. Климчицкий весь 1941 г. и зиму 1942 г. находился в осажденном Ленинграде, а позже, оказавшись под нацистской оккупацией на Северном Кавказе, как нам удалось установить, был перемещен — принудительно или, что немного вероятнее, добровольно — на территорию Германии, и жил в Германии и Австрии по крайней мере до 1947 г.

К счастью, документы, отражающие основные биографические сведения о С. И. Климчицком, сохранились в архивах: нам удалось ознакомиться как с его студенческим личным делом, отражающим период учебы в Петроградском (затем Ленинградском) институте живых восточных языков (см. [ЛИЖВЯ]), так и с личным делом из архива Института востоковедения АН СССР (см. [РАН]), бывшего последним местом работы С. И. Климчицкого в СССР; большое значение имеют изученные нами документы из Федерального архива Германии и земельного архива Берлина. С опорой на эти и другие источники — как печатные (в частности, важные детали содержит посмертно опубликованный в 1998 г. «Блокадный дневник» ираниста А. Н. Болдырева, в разные годы работавшего вместе с С. И. Климчицким и его женой [Болдырев 1998]), так и в первую очередь архивные, — основные этапы биографии С. И. Климчицкого (и прежде всего его профессиональную деятельность до 1941 г.) можно реконструировать с достаточно большой степенью подробности. В дальнейших разделах полученные сведения будут обобщены и изложены в хронологическом порядке. В разделе 2 читатель найдет сведения о семье Климчицких, в разделе 3 — сведения о ранних годах С. И. Климчицкого и учебе в институте в 1922–1925 гг. В разделах 4 и 5 суммируются сведения о его профессиональной деятельности с 1925 по 1941 гг. (сначала в Таджикистане, а с 1939 г. в Ленинграде). В заключительном разделе 6 мы пытаемся с возможной полнотой реконструировать обстоятельства пребывания Климчицкого на Северном Кавказе, где он оказался в 1942 г. после эвакуации из осажденного Ленинграда, и его перемещение в Германию и работу там. В приложении приводится список всех выявленных на сегодняшний день научных трудов С. И. Климчицкого.

2. Семья

Сергей Иванович Климчицкий родился в Санкт-Петербурге 12 февраля[6] 1900 г. в семье Ивана Ивановича и Эмилии Августовны Климчицких, крещен 27 февраля в Николо-Богоявленском морском соборе Санкт-Петербурга[7]. Хотя некоторые родственники Климчицкого служили на флоте, выбор этой церкви, по-видимому, объясняется чисто топографическими причинами: известно (из немного более поздних источников[8]), что Климчицкие жили в доме 111 по Екатерингофскому проспекту (ныне проспект Римского-Корсакова в Адмиралтейском районе), примерно в двадцати минутах ходьбы от морского собора.

Отец — потомственный дворянин Иван Иванович Климчицкий (ок. 1846 — 1914[9]), железнодорожный инженер, затем высокопоставленный чиновник. Начал службу после окончания петербургского Института инженеров путей сообщения в мае 1872 г. [Список 1910: 99]; см. также [Волков 2016: 308]. С 1904 г. действительный статский советник. Последняя должность, которую он занимал перед уходом в отставку — управляющий Хозяйственным отделом Управления по сооружению железных дорог Министерства путей сообщения (1905–1911)[10]. Иван Иванович Климчицкий был уволен «согласно

---

[6] В дальнейшем изложении все даты до 1918 г. приводятся в соответствии с юлианским календарем.

[7] Восприемниками были дядя со стороны отца и тетя со стороны матери (ЦГИА СПб. Ф.19. Оп. 127. Д. 989. Л. 28об — 29). В большинстве публикаций, упоминающих Климчицкого, годом его рождения ошибочно называется 1899 г. (одно из немногих исключений — [ЛЭС 1990]).

[8] Например, из адресной книги «Весь Петербург» [1905: 297].

[9] Год рождения отца восстановлен по возрасту на момент венчания (см. сн. 25) и другим документам ([ВУПД, л. 191об.]; LVIA. Ф. 708. Оп. 2. Д. 927. Л. 269об.), год смерти — из анкет сына [РАН, л. 1, 9, 11; ТБАН, л. 1]; впрочем, в другом документе указан 1913 г. [ÖStA].

[10] Сведения о его карьерном движении можно получить из «Адрес-календаря. Общей росписи начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи» на годы: 1893 (стлб. 711), 1894 (стлб. 721), 1895 (стлб. 759), 1896 (стлб. 783), 1897 (стлб. 440), 1898 (стлб. 458), 1899 (стлб. 465), 1900 (стлб. 458), 1901 (стлб. 485), 1902 (стлб. 496), 1903 (стлб. 501), 1904 (стлб. 488), 1905 (стлб. 516), 1906 (стлб. 548), 1907 (стлб. 556), 1908 (стлб. 584), 1909 (стлб. 623), 1910 (стлб. 667), 1911 (стлб. 699). Кроме того, после 1904 г. све-

прошению, по болезни»[11] с 5 января 1912 г. Его старший брат Александр Иванович также служил по ведомству путей сообщения.

Климчицкие герба Кляйнфельд[12] [Uruski 1909: 387; Ciechanowicz 2001: 298] принадлежали к дворянству Ковенской губернии[13]. Бабушке Сергея Ивановича Марии Ивановне Климчицкой принадлежало имение Добуже в Коварской волости Вилькомирского уезда этой губернии (ныне сянюнайтия Dabužių в Аникщяйском районном самоуправлении на северо-востоке Литвы) и более 150 гектаров земли вокруг [Список 1889: 222, № 2999]. Впрочем, собственницей имения Мария Ивановна, урожденная Байкова[14], стала лишь после смерти своего мужа, Ивана Венедиктовича Климчицкого (1821 — январь 1880 [Янонис 2020: 132])[15]. Мария Ивановна умерла 10 сентября 1915 г. на 92-м году жизни[16].

Имение Добуже до XVIII в. принадлежало известному литовскому роду Добужинских. Один из его представителей, знаменитый художник М. В. Добужинский, во время своего пребывания в Литве уже после

дения о нем, естественно, включались в ежегодные «Списки чинам четвертого класса».

[11] Сенатские ведомости. 1912. № 28 [пятница 6 апреля]. С. 185.

[12] В Российской империи принадлежность к потомственному дворянству подтверждалась внесением рода в губернскую родословную книгу и утвержденным гербом.

[13] Фамилия *Klimczycki* и сегодня достаточно широко распространена в Польше; в восточной Польше имеется по крайней мере один населенный пункт под названием *Klimczyce*. В отдельных документах времен Гражданской войны город Коварск ошибочно указан как место рождения Климчицкого [ЛИЖВЯ, л. 2]. Вероятно, эта ошибка вызвана тем, что он провел часть детства в Коварске или Добуже.

[14] См. LVIA. Ф. 708. Оп. 2. Д. 927. Л. 269об.

[15] Когда в 1824 г. имение перешло во владение его отца, Венедикта Ивановича Климчицкого (род. ок. 1785 г. [ВУПД, л. 191об.], ум. в конце 1860-х или в начале 1870-х гг.), в нем было 11 дворов (см. Виленские губернские ведомости. 1846. № 45, суббота 9 ноября. Часть неофициальная. С. 348–351. Перепечатано в: Русский инвалид. 1846. № 276 (среда 11 декабря). С. 1103–1104.). В результате проведенных им преобразований, к 1860 г. в Добуже уже было 40 дворов и 107 душ крепостных мужского пола [Сведения 1860: 10, № 28]. Отметим, что в работе [Янонис 2020: 132] мать И. В. Климчицкого, Елизавета Лобко [ВУПД, л. 191об.], по ошибке указана как его жена.

[16] Метрическая запись о ее смерти: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3110. Л. 422об — 423. В действительности она могла быть еще на несколько лет старше, ср. [ВУПД, л. 191об.].

революции познакомился с двумя тетями С. И. Климчицкого, Марией Ивановной Страховой и Еленой Ивановной Климчицкой, которые родились в этом имении и жили там еще с дореволюционных времен [Добужинский 1987: 315; 2001: 230, 268, 428, 438; Railaitė-Bardė 2018: 22].

Мария Ивановна Страхова (1858–1931) была учительницей, в 1879 г. окончила петербургский Женский педагогический институт[17]. Она занималась, в частности, с будущими революционерками А. М. Коллонтай и Е. Д. Стасовой, которые в своих воспоминаниях и дневниках очень сочувственно о ней отзываются и признают, что испытали влияние свободомыслия Страховой: «моя учительница, не просто педагог, а именно “учитель жизни”» [Коллонтай 2001: 416] (ср. [Коллонтай 1974: 43]). С 1890 г. Страхова руководила Подвижным музеем учебных пособий при публичной библиотеке известного просветителя Н. А. Рубакина. С этим музеем сотрудничала, помимо Коллонтай и Стасовой, например, В. Н. Фигнер и Н. К. Крупская; сотрудники музея участвовали в распространении нелегальной политической литературы [Стасова 1969: 27–28; Рубакин 1979: 81–83]. После окончания Первой мировой войны Страхова вернулась в Добуже; там она построила школу, пожертвовала деньги на постройку церкви и выделила землю на организацию кладбища. В 1929 г. ей принадлежало почти 265 гектаров земли. Она завещала имение своей младшей сестре Елене [ABŽ 2022][18].

---

[17] ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 1132. Ее муж Михаил Александрович Страхов (1852? — 31.12.1918, Петроград) также был учителем, см. запись о браке: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 378. Л. 21об — 22; и о смерти: ЦГА СПб. Ф. Р-6143. Оп. 1. Д. 1364. Л. 124—124об.

[18] К тому моменту Е. И. Климчицкая уже была в слишком преклонном возрасте, чтобы управлять имением, поэтому она продала его своему троюродному брату Витольду Константиновичу Климчицкому (1879–1943?), внуку Казимира Ивановича Климчицкого (см. LVIA. Ф. 708. Оп. 2. Д. 403. Л. 107об.). Витольдас Климчицкас (как он предпочитал указывать свое имя) владел имением вплоть до его национализации советскими властями (он сам был арестован в июне 1941 г. и отправлен, как и многие арестованные НКВД в Литве, в седьмой лагерный пункт Краслага в Решотах Нижнеингашского района Красноярского края [Мартиролог]). Его сестра Ядвига Климчицкайте (род. 15 ноября 1874 г., см. KRVA. Ф. 66. Оп. 13. Д. 5989; ум. 1975) и дочь Галина Климчицкайте-Шаевичене (1932 — до 2010) жили в Аникщяе [Kontrimavičius 2011: 16–18]. Польские краеведы опубликовали короткие воспоминания Луциана Сороки, знавшего в юности М. И. Страхову и В. К. Климчицкого [Surwiło 1995: 5].

Елена Ивановна Климчицкая (ок. 1862 — после 1931) также была учительницей, с 1898 г. она преподавала на женском отделении петербургского Приюта принца П. Г. Ольденбургского[19]. Она участвовала в нелегальном распространении в Санкт-Петербурге Выборгского воззвания [Классон 2017: 20] (обращения, написанного 9 июля 1906 г. против роспуска первой Думы). Кроме того, следует отметить, что старший брат Марии Ивановны и Елены Ивановны (и дядя Сергея Ивановича Климчицкого), железнодорожник Александр Иванович Климчицкий, в юности участвовал в студенческих волнениях в Санкт-Петербургском университете в 1861 г., за что в марте 1862 г. был выслан на родину в Ковенскую губернию[20].

Мать Сергея Ивановича Климчицкого — Эмилия Августовна, урожденная Тишнер (24 августа 1862 — 24 октября 1902?), петербургская немка-лютеранка, дочь врача Августа Христиана (Августа Ивановича) Тишнера (15 апреля 1819, Санкт-Петербург — после 1889) и его жены Эмилии Лукьяновны (1826? — 2 мая 1905). Август Христиан — сын известного производителя фортепиано Иоганна Августа Тишнера (1774–1852), уроженца Саксонии, — учился в гимназии в Ревеле, затем в 1840–1844 гг. в Дерптском университете[21] [Album 1889: 296, № 50; Album 1910: 99, № 344]. Служил лекарем в Петербурге (в частности, при императорских театрах[22]), на Камчатке[23] и в Саратовской

[19] Сенатские ведомости. 1911. № 86 (пятница 28 октября). С. 701. Судя по ежегоднику «Весь Петербург» [1898–1917], она работала там вплоть до 1917 г.

[20] См. KRVA. Ф. I-50. Оп. 1. Д. 15466. Л. 2; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2010; [Шилов, Карнаухова 1928: 169–170; РПЛБ 1964: 390–391]. Имя Климчицкого фигурирует в списке арестованных в ходе волнений петербургских студентов, напечатанном в «Колоколе» [1861: 956] А. И. Герцена. Впоследствии Александр Иванович Климчицкий вернулся к учебе и успешно ее завершил (см. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 11. Д. 406). Любопытно отметить, что его жена Елизавета Васильевна, урожденная Дихеус (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1159. Л. 954об.) или Тихеус (LVIA. Ф. 708. Оп. 2. Д. 927. Л. 269об.), в период службы мужа в Воронеже состояла в местном попечительном обществе о тюрьмах [ПК 1902: 62].

[21] См. дело в Национальном архиве Эстонии (Rahvusarhiiv, филиал в Тарту): EAA.402.2.25344.

[22] Сенатские ведомости. 1855. № 14. 20 января 1855. Высочайшие приказы по Гражданскому ведомству. [С. 4.]

[23] Сенатские ведомости. 1848. № 2. 6 января 1848. Распоряжения правительственные. С. 7.

губернии; его имя встречается в Российских медицинских списках с 1848 г. (с. 379) по 1889 г. (с. 461)[24].

Иван Иванович Климчицкий и Эмилия Августовна Тишнер обвенчались в январе 1883 г. в православной церкви апостолов Петра и Павла при Императорском коммерческом училище[25] и в лютеранской церкви св. Анны[26]. По всей видимости, Эмилия Августовна скончалась при родах младшей дочери, Татьяны: согласно записи в метрической книге, Татьяна родилась 10 ноября 1902 г.[27], но надпись на надгробии Эмилии Августовны гласит, что та умерла 24 октября того же года [ПН II: 392] (очевидно, один из двух источников не вполне точен)[28].

У Сергея Ивановича и Татьяны Ивановны Климчицких было еще по меньшей мере три старших брата:

- Инженер Георгий Иванович Климчицкий (30 октября 1885, Москва[29] — 1942, Саратов), также выпускник Института инженеров путей сообщения, после революции работал в вузах Саратова, профессор.
- Владимир Иванович Климчицкий (25 октября 1887, Москва[30] — до 1936?). 11 октября 1917 г. обвенчался в Петрограде с Татьяной Георгиевной Мироновой[31].

---

[24] Сестра Э. А. Тишнер, София Августовна, в 1872 г. вышла замуж за инженера М. Домбровского (см. St. Peterburgisches evangelisches Sonntagsblatt. 1872. № 43 (за 22 октября). S. 344); их дочь — астроном Софья Михайловна Домбровская, в замужестве Варзар (1878–1957), внучка — Нина Васильевна Варзар (1909–1954), первая жена Д. Д. Шостаковича и мать М. Д. Шостаковича.

[25] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 425. Л. 867об, 868, 868об. Метрическая запись.

[26] St. Peterburgisches evangelisches Sonntagsblatt. 1883. № 1 (за 2 января). S. 8. При браках православных подданных с инославными юридическую силу в Российской империи имело только венчание в православной церкви [СЗРИ: т. 10, № 67], но двойное венчание не было редкостью. Отметим, что С. И. Климчицкий в графе «народность» в советских анкетах писал «русский» [РАН, л. 1; ТБАН, л. 1].

[27] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 1274. Л. 253об — 254. Метрическая запись.

[28] Неожиданным образом, Эмилия Августовна похоронена на «статусном» Никольском кладбище Александро-Невской лавры (вместе с матерью), что может быть понятно, только если перед смертью она приняла православие, в то время как запись о рождении Т. И. Климчицкой вполне однозначно указывает, что ее мать сохраняет лютеранское вероисповедание.

[29] ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 768. Д. 137. Л. 610об — 611. Метрическая запись.

[30] ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 776. Д. 204. Л. 321об. — 322. Метрическая запись.

[31] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3563. Л. 236об — 237. Метрическая запись.

- Павел Иванович Климчицкий (1895? — до 1936?). 18 января 1917 г. обвенчался в Петрограде с Татьяной Васильевной Котельниковой, дочерью тайного советника[32] Василия Григорьевича Котельникова (1851 — после 1917), высокопоставленного чиновника Министерства финансов [Волков 2016: 334].

Таким образом, из четырех братьев и сестер С. И. Климчицкого более или менее полные сведения имеются лишь о его самом старшем брате, известном в Саратове инженере, карьера которого, как кажется, сложилась относительно благополучно в советское время. Судьба двух других старших братьев остается неясной. Отметим, что «неоднократным арестам» в советское время подвергался двоюродный брат Сергея Ивановича Иван Александрович Климчицкий[33]. Другой его двоюродный брат, морской офицер Константин Александрович Климчицкий, присоединился к белому движению и эмигрировал в конце Гражданской войны [Волков 2025: К, 429][34]. Двоюродный брат Климчицкого со стороны матери, Борис Августович Тишнер (1886–1934, тоже офицер), после революции осел в Эстонии и возглавлял нарвское отделение антибольшевистской организации «Братство русской правды», см. [РЭ] с библиографией.

3. Ранние годы. Учеба

Таким образом, Сергей Иванович Климчицкий лишился матери в возрасте двух лет, отца — в возрасте четырнадцати, в течение первых пятнадцати лет его жизни скончались обе его бабушки и как минимум двое из братьев отца (Александр и Лев); деда по отцовской линии он и вовсе не застал. В этом контексте неудивительно, что местом его обучения стала гимназия Императорского человеколюбивого общества — крупнейшей благотворительной организации в стране. На несколько классов младше в этой гимназии, находившейся на Крюковом канале в Санкт-Петербурге, учился Д. С. Лихачёв (правда, в его позднейших воспоминаниях гимназические впечатления выглядят скорее безрадостными, ср. [Лихачёв 1995: 89]).

[32] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 355. Л. 177об — 178. Метрическая запись.
[33] https://base.memo.ru/person/show/902181 (дата обращения: 04.12.2021).
[34] О его судьбе см. также [Пилкин 2005: 102, 410, 545].

В 1918 г. С. И. Климчицкий окончил гимназию [ЛИЖВЯ, л. 3] с золотой медалью [РАН, л. 14; ТБАН, л. 3][35]. С мая 1919 по июль 1923 г. служил в Красной армии, занимался «политпросветработой» в Петрограде[36]. В 1922 г. окончил двухгодичный курс Высшей военно-педагогической школы по естественно-географическому факультету [РАН, л. 9, 11][37]. Как кажется, служба в Красной армии дала возможность выходцу из дворянской семьи избежать прямых преследований в связи с предосудительным социальным происхождением (по крайней мере в течение последующих 15 лет) и успешно реализовать себя в востоковедческих исследованиях. Трудно сказать, чем был обусловлен выбор этой области, юношескими ли интересами (разносторонняя одаренность Климчицкого несомненна) или простым стечением обстоятельств, но так или иначе, осенью 1922 г. Климчицкий поступил в созданный незадолго до этого Петроградский институт живых восточных языков на индийский разряд, где проучился три года, параллельно два года слушая курс персидского разряда [РАН, л. 1, 3]. Руководителем персидского разряда был выдающийся иранист Александр Арнольдович Фрейман (1879–1968), наиболее известный своими исследованиями согдийских памятников (согдийско-ягнобская тематика будет одной из центральных и в исследованиях Климчицкого). Там преподавали также филологи Е. Э. Бертельс и А. А. Ромаскевич, исследователь Центральной Азии (особенно Памира) Г. Е. Грумм-Гржимайло. Руководителем индий-

[35] В советских анкетах, которые Климчицкому приходилось заполнять в 1930-е гг., обыкновенно различалось две степени знания языков — «читает и может объясняться» и «владеет свободно». В первой категории он всегда указывал — кроме персидского, выученного в институте, — немецкий, французский и английский; во второй — таджикский и иногда шугнанский [РАН, л. 1об, 10; ТБАН, л. 2]. Не исключено, что на немецком языке с ним говорила бабушка (Э. Л. Тишнер); французский он мог выучить в гимназии, а английский — в институте.

[36] ЦГА СПб. Ф. 6690. Оп. 1. Д. 2716. Л. 2.

[37] Одновременно с Климчицким это же отделение военно-педагогической школы окончил С. В. Калесник (1901–1977), впоследствии крупный исследователь ледников и озер, академик АН СССР и вице-президент Международного географического союза. В 1932–1935 гг. он участвовал в горных экспедициях в Центральной Азии [БРЭ 2008], в частности на Памире, см. [Калесник, Щербаков 1935; Калесник 1936].

ского разряда был А. П. Баранников, среди преподавателей были С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, М. И. Тубянский [Кононов, Иориш 1977: 24–25, 29–30]. Среди преподавателей общеобязательных дисциплин были В. В. Бартольд и И. Ю. Крачковский [Там же: 36, 48–49]. Среди студентов того же года набора, что и Климчицкий, была учившаяся на турецком отделении Н. А. Цветинович [Там же: 33; Стеблин-Каменский 1998: 8], мать А. Л. Грюнберга, который внесет выдающийся вклад в исследования языков Памира и Гиндукуша через несколько десятилетий.

Судя по лаконичным архивным свидетельствам, выбор Климчицкого оказался удачным: востоковедческие исследования (правда, скорее в области иранистики, чем индологии) увлекли его, а уровень преподавания был одним из лучших для того времени. Вскоре в его судьбе происходит неожиданный поворот. 30 апреля 1925 г. Климчицкий был отправлен в учебную командировку в Таджикистан на полгода [ЛИЖВЯ, л. 4, 6]. Помимо него, в тот год из числа студентов института восточных языков еще девять человек были отправлены в Туркестан [Кононов, Иориш 1977: 50]. Однако по истечении полугода Климчицкий не вернулся в Ленинград для завершения своей учебы (образование в институте было четырехлетним), а остался в Таджикистане. Тем не менее, по-видимому, это бюрократическое противоречие было как-то улажено и его образование формально считалось завершенным [ТБАН, л. 3, 6]; с другой стороны, в его трудовой книжке, заполненной 16 мая 1940 г., его образование всё же указано как неоконченное высшее [РАН]. На решение Климчицкого остаться в Таджикистане могло повлиять то, что вдалеке от Ленинграда перед ним открывались более благоприятные перспективы: в ситуации острой нехватки квалифицированных кадров специалист его уровня оказывался как нельзя более востребованным, а полученных им к тому моменту знаний было вполне достаточно. В ранние советские годы документам об образовании часто не придавали значения, важнее были деловые качества и компетенция. В последующие восемь лет Климчицкий с большой энергией занимается в основном практическими вопросами, связанными с разработкой таджикской письменности и обучением грамоте. Его карьера в Таджикистане начинается успешно.

4. Работа в Таджикистане

С 1925 по 1933 г. С. И. Климчицкий работал в структуре Наркомпроса Таджикской (А)ССР, занимая достаточно высокие должности и активно участвуя в национально-языковом строительстве и общественной жизни тех лет [РАН, л. 9об, 11об; ТБАН, л. 1об]:

- заведующий областным отделом народного образования (1925–1927);
- ученый секретарь Государственного ученого совета Наркомпроса (высшего органа образовательной и научной политики в республике; 1927/1928–1929);
- старший научный сотрудник Комитета таджиковедения при Наркомпросе (1930–1931);
- старший научный сотрудник (1931) и впоследствии заведующий сектором языка и ученый секретарь (1932–1933) Таджикского комплексного научно-исследовательского института.

В 1929–1930 гг. он также был председателем секции научных работников ТаджССР в профсоюзе работников просвещения [ТБАН, л. 2].

Параллельно Климчицкий преподавал курс общего языкознания и таджикской грамматики в открытой в 1931/1932 учебном году Таджикской педагогической академии [РАН, л. 13, 14], причем вёл занятия на таджикском языке [РАН, л. 3], а в 1932 или 1933 г. даже заведовал кафедрой языка и литературы «по совместительству» [ТБАН, л. 1об, 3].

Одновременно в 1925–1927 гг. [РАН, л. 10, 12] или 1926–1927 гг. [ТБАН, л. 2] он был членом президиума Исполкома Гармского вилоята (в его состав входили и некоторые территории, ныне входящие в Горно-Бадахшанскую автономную область). В 1926 г. он даже был делегатом I Учредительного съезда советов Таджикской АССР [РАН, л. 1об; ТБАН, л. 2]. В том же году был награжден почетной грамотой Революционного военного совета ТаджАССР «за работу по организации народного образования в Таджикистане» [РАН, л. 10об, 12об]. В 1931 г. принимал, по его собственному свидетельству, участие в «ликвидации басмачества» в роте особого назначения [РАН, л. 10, 12] (удостоверение № 28 от 6 июня 1931 г. [ТБАН, л. 2об]).

Публикуется Климчицкий в этот период достаточно интенсивно, но почти всё опубликованное им отражает его практическую работу в области стандартизации таджикской письменности[38] и развития таджикского образования. Помимо отдельных статей на эту тему (№ 1–2 в списке публикаций в конце настоящей работы), можно отметить учебные пособия по таджикскому языку для русских и по русскому языку для таджиков (№ 3–5 в списке публикаций), сразу ставшие в те годы востребованными, судя по тому что все они выдержали по нескольку изданий. Следует, впрочем, отметить, что в начале 1930-х гг. в Климчицкий заинтересовался шугнанским языком, и тоже в основном в практическом плане (что неудивительно — шугнанский является крупнейшим из памирских языков и используется памирскими народами в качестве лингва франка). Об участии Климчицкого в создании шугнанской письменности на базе латинского алфавита, утвержденной в 1930 г. и использовавшейся в печати с 1931 г., упоминается в [Масов 1985: 344; Додихудоева 2005: 33; Додыхудоева 2020: 260], но, к сожалению, точная его роль в разработке шугнанской латиницы остается неясна. Судя по доступным нам архивным материалам [ТБАН, л. 5, 10], в 1935 г. Климчицкий составил по заданию Центрального комитета нового таджикского алфавита при ЦИКе ТаджССР проект некоего «упрощенного» шугнанского алфавита и орфографии. Сообщается также, что Климчицкий был (со)автором шугнанского учебника (№ 7) и букваря (№ 8). Нам не удалось ознакомиться с этими материалами; напомним, что шугнанская латиница просуществовала меньше десяти лет (ок. 1930 — 1938), и в конце 1930-х гг. использование шугнанского в образовании было признано «вредным» [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1989: 37; Каландаров 2020: 79], так что нельзя исключать, что часть шугнанских книг и работ по шугнанской латинице, напечатанных в этот период, была уничтожена. В публикации № 9 Климчицкий также упоминает свое участие в «разработке ваханского латинизированного алфавита» (с. 82).

Вслед за шугнанским, в начале 1930-х гг. всё большее внимание Климчицкого начинают привлекать и другие миноритарные языки

[38] В частности, Климчицкий участвовал в Первом научном съезде работников просвещения в Сталинабаде (22–27 августа 1930 г.) с докладом по поводу реформы таджикского алфавита [Каландаров 2021: 18].

и диалекты Таджикистана: он предпринимает экспедиции в Дарваз (1925, 1930, 1931 гг.), Шугнан (1933 г.), Ягноб (1934 г.), Язгулям (1935 г.) [РАН, л. 3]. Можно констатировать, что с этого времени в жизни Климчицкого начинается новый этап: общественная деятельность постепенно уступает место научной работе, к которой Климчицкий, по-видимому, чувствует больше склонности — уже в системе Наркомпроса он с 1930 г. занимает преимущественно научные должности, сначала в Комитете таджиковедения, а потом в Таджикском НИИ. И как только в Таджикистане открывается институт Академии наук (это произошло в 1933 г.), Климчицкий из Наркомпроса переходит туда. Таким образом, местом его работы с мая 1933 по 1939 г. становится Таджикистанская база АН СССР[39], где он сначала занимает должность старшего научного сотрудника (параллельно в 1934–1935 гг. он был председателем месткома базы [ТБАН, л. 9]), а с октября 1936 по 1938 г. уже заведует историко-лингвистическим сектором.

Именно эти годы оказываются для Климчицкого наиболее плодотворными в научном отношении. С 1936 по 1940 г. вышло семь его статей по миноритарным языкам Таджикистана (см. полный список публикаций в приложении): все эти работы и сегодня не утратили значения для памироведения, они отличаются высоким научным уровнем, точностью записи и в ряде отношений опережают свое время. Климчицкий предстает в них как оригинальный и независимо мыслящий лингвист, отчасти близкий к идеям структурализма (только начинавшего в те годы завоевывать популярность). Вслед за Д. И. Эдельман следует особо отметить, пожалуй, его вклад в изучение ваханского языка в публикации 1936 г. (№ 9 в списке), включающей записи ваханских текстов (четыре рассказа, сказка и подборка из 12 лирических песен) и проницательные фонологические и грамматические коммен-

[39] Именно так называлась первая научно-исследовательская структура Академии наук СССР, открытая в 1933 г. в Таджикистане (первым ее директором был назначен академик С. Ф. Ольденбург, фактически ею руководил сначала ботаник Н. Ф. Гончаров, а затем зоолог и медик академик Е. Н. Павловский). В 1941 г. она была преобразована в Таджикский филиал Академии наук СССР, а в 1951 г. на его основе была организована Академия наук Таджикской ССР. В «Трудах» Таджикистанской базы (том III, 1936, посвященный памяти скончавшегося в 1934 г. С. Ф. Ольденбурга, и том IX, 1940) были опубликованы многие значимые научные работы Климчицкого.

тарии к ним (для которых Климчицкий использовал и свои неопубликованные материалы).

Интересны также публикации Климчицкого на согдийско-ягнобскую тематику, содержащие как этимологические заметки (№ 10–11), так и записи ягнобских фольклорных текстов (№ 13), а также сведения о «секретном языке» ягнобцев и язгулямцев (№ 14). О другом неожиданном согдийском сюжете в биографии С. И. Климчицкого сообщается в неопубликованном обзоре В. А. Лившица [2009: 4] «Согдийские документы с горы Муг», подготовленном для сборника к юбилею Азиатского музея (благодарим П. Б. Лурье за указание на этот источник). Согласно В. А. Лившицу (который ссылается на оставшиеся нам недоступными первоисточники [Kaşfiyoti 1933; Пӯлодӣ 1962: 155] и на [Протокол 1934], с копией которого нам удалось ознакомиться с помощью П. Б. Лурье), именно Климчицкий был первым специалистом, которому принесли на экспертизу обнаруженные в 1932–1933 гг. жителями Верхнего Зеравшана уникальные документы из архива согдийских правителей VIII в.: документы, через некоторое время после их обнаружения, были посланы в феврале 1933 г. в Таджикистанскую базу АН СССР, где Климчицкий правильно определил, что они написаны на согдийском языке. В дальнейшем в изучении находок с горы Муг приняли участие многие коллеги С. И. Климчицкого (в том числе О. И. Смирнова, А. М. Беленицкий и др.); публикация согдийских памятников этого архива была впервые осуществлена А. А. Фрейманом и в дальнейшем продолжена В. А. Лившицем. См. также [Каталог 2022: 6].

Наконец, особое место занимает небольшая статья Климчицкого «Дарвазские фахлавийот» (1940; № 12), посвященная, в отличие от остальных работ этого периода, дарвазским говорам таджикского языка (распространенным в Гармской области и в Горно-Бадахшанской автономной области). Непосредственным объектом описания является популярный в Дарвазе[40] поэтический жанр двустиший (тадж. *фаҳлавиёт*[41]; анализ Климчицкого показывает его хорошее

[40] «Многие дарвазцы обладают поэтическим даром, иногда в самой обычной беседе колхозники, учителя с легкостью подбирают рифмы и перебрасываются стихами» [Розенфельд 1971: 210].

[41] Термин восходит к персидскому *fahlavīyāt*, ед. число *fahlavīya*, представляющему собой арабизованную форму перс. *pahlavī*, т. е. ‘пехлевийский,

знакомство с традиционной иранской системой стихосложения *аруз*), однако в примечаниях к этой статье содержится краткая характеристика дарвазских говоров в целом и одна из первых попыток их классификации. Как можно видеть, такая структура вообще характерна для научного стиля Климчицкого: отталкиваясь от частного (но, как правило, оригинального) материала, он высказывает проницательные соображения более общего характера, нередко опережающие свое время. В 1930-е гг. дарвазские диалекты (обладающие целым рядом ярких особенностей и слабо понятные носителям других таджикских диалектов) были еще мало изучены: фактически имелись только две полноценные публикации 1936 г. (в тех же «Трудах» Таджикистанской базы), принадлежавшие этнографу Н. А. Кислякову (описание одного говора) и фольклористу А. Н. Болдыреву (публикация фрагментов народного эпоса). Более систематическую работу по описанию таджикских говоров выполнит через несколько десятилетий уже следующее поколение иранистов — А. З. Розенфельд, В. С. Расторгуева и др.

Ученые степени и звания, отмененные после революции, были вновь введены Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 13 января 1934 г. Первое время из-за необходимости их оперативного внедрения массовым явлением стало присвоение ученых степеней без защиты диссертации. В 1936 г. Климчицкий, уже назначенный заведующим сектором, попытался таким образом получить степень кандидата наук: в ноябре этого года Президиум Таджикистанской базы возбудил соответствующее ходатайство перед квалификационной комиссией АН СССР. На этом документе стоит рукописная виза без подписи и даты: «Прием ходатайств без защиты диссерт. прекращен. — Сообщено т. [Альмой Петровной] Петерсон [ученый секретарь базы]» [ТБАН, л. 12]. Следует отметить, что как в упомянутом постановлении СНК, так и в Инструкции Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР о порядке его применения (утвержденной СНК 10 июня 1934 г.), в явном виде предусматривается возможность присвоения без защиты диссертации только докторской степени, но не кандидатской.

парфянский’. «Пехлевийским» в персидской литературной традиции называли жанр короткой устной народной лирической поэзии, возникший, как считается, в северо-западных и центральных регионах Ирана и широко распространившийся во всем иранском мире [Tafażżolī 1999].

5. Между Таджикистаном и Ленинградом

В 1930–1935 гг. в Наркомпросе ТаджССР также работала востоковед Глафира Николаевна Балашова (12 января 1908, Санкт-Петербург[42] — 1988, Ленинград), выпускница восточного отделения Ленинградского университета [Эрмитаж 2021: 16][43] и словесного отделения Высших курсов искусствоведения[44], которая впоследствии стала супругой С. И. Климчицкого (официально брак был заключен, по-видимому, между 1932 и 1936 гг.). 25 декабря 1931 г. у них родился сын Юрий Сергеевич Балашов (ум. 28 сентября 2012 г.), ставший крупным зоологом, членом-корреспондентом РАН (с 1994 г.). В 1935 г. Г. Н. Балашова начала работу в Эрмитаже, но продолжала бывать в Центральной Азии — судя по ее публикациям, она участвовала в Пенджикентской экспедиции, одной из старейших постоянных эрмитажных экспедиций; после войны она была главной хранительницей отделения Средней Азии [Иерусалимская, Иванов 1990: 222].

Первые непосредственные контакты Климчицкого и Балашовой, надо думать, были вызваны совместной работой над таджикско-русским словарем (см. № 17 в списке трудов Климчицкого). Из предисловия к словарю следует, что и Климчицкий, и Балашова участвовали в предварительном составлении картотеки в 1930–1932 гг. в Наркомпросе ТаджССР. Первое время они работали под руководством известного востоковеда А. А. Семёнова, но в 1931 г. он был арестован и выслан из Таджикистана. Семёнова сменил председатель Комитета таджиковедения, общественный деятель Нарзулла Бекташ; кроме того, к организации словарных работ имел отношение член ЦК КП(б) Таджикистана Абдукадыр Камели. Однако 7 апреля 1933 г. Камели был снят с должности и вместе с Бекташем подвергся «проработкам»[45], а уже 13 апреля первый том словаря, набранный в гран-

[42] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2087. Л. 23об — 24. Метрическая запись. Родители Глафиры Николаевны были крестьянами.

[43] См. также личное дело: ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 10. Д. 41.

[44] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-59. Оп. 2. Д. 555. Личное дело студентки Глафиры Николаевны Балашовой.

[45] Причем Бекташу вменяли и идеологически «неправильную» организацию работы в педагогической академии в Сталинабаде [Дружинин (в печати)]. Не исключено, что прекращение работы Климчицкого в этой академии непосредственно связано с кампанией критики Бекташа.

ках, был сурово раскритикован на Первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР в Институте востоковедения АН СССР (в основном за якобы злоупотребление арабскими и персидскими словами и религиозными терминами и невключение советских общественно-политических терминов), в первую очередь Е. Э. Бертельсом. В последовавшей кампании по критике словаря упоминалась и фамилия Климчицкого. Тот факт, что в этот момент к Климчицкому не было применено никаких репрессивных мер, по предположению П. А. Дружинина [в печати], объясняется тем, что у Таджикистанской базы был могущественный (в то время) заступник: Таджикско-Памирской экспедицией тогда руководил непременный секретарь АН СССР академик Н. П. Горбунов (бывший личным секретарем В. И. Ленина в 1917–1920 гг.).

Было решено уже набранный том не издавать, а подвергнуть словарь полной переработке. Картотека его была переведена в Ленинград, в 1934 г. началась работа над ней под руководством Е. Э. Бертельса (в этой работе уже участвовала Г. Н. Балашова). Формально Таджикистанская база также принимала участие в этом проекте, но работа в Сталинабаде (ныне Душанбе) носила, по-видимому, вспомогательный характер.

В этот период С. И. Климчицкий проводил много времени в Ленинграде: он выступал на конференциях в институтах АН СССР, на иранской кафедре Ленинградского института философии, лингвистики и истории [РАН, л. 14об]. Так, 23 января 1934 г. на заседании кабинета индо-иранских языков Института языка и мышления АН СССР был заслушан доклад Климчицкого «Вопросы языкового строительства национальных меньшинств Автономной Горно-Бадахшанской области» [ЯИМ 1935: 342], 10 мая 1935 г. там же — доклады «К диалектологии ягнобского языка» и «О “секретном” языке у ягнобцев» [ЯИМ 1936: 344], на XVI пленуме Государственной академии истории материальной культуры, состоявшемся 20–23 марта 1936 г., — доклад «Долина р. Язгулем и ее жители» [ТБАН, л. 4], в 1939 г. на заседании среднеазиатского кабинета Института востоковедения АН СССР — доклад «К истории исследования ягнобского языка» [ОЛЯ 1940: 127], в 1940 г. на заседании арабского кабинета — доклад о попытке применения арабской письменности в шугнанском языке [СВ 1941: 320]. Летом 1936 г. ученый секретарь Таджикистан-

ской базы А. П. Петерсон с неудовольствием писала, что Климчицкий живет «по 6–7 месяцев в Ленинграде (не считая отпуска)» [Дружинин (в печати)]. Вскоре ему был поставлен ультиматум: он сможет сохранить свою должность на базе только при условии проживания как минимум восьми месяцев в году в Таджикистане. Он согласился, хотя попросил уступку в один месяц.

В 1938 г. переработанная картотека таджикского словаря была перевезена в Сталинабад, где Климчицкий подготовил окончательный текст словарных статей от А до И включительно[46]. Осенью 1937 г. была арестована и затем выслана из Таджикистана А. П. Петерсон; в течении 1938 г. из причастных к таджикскому словарю были расстреляны Н. Бекташ, Н. П. Горбунов и А. Камели [Дружинин (в печати)]. Климчицкий же провел под арестом в НКВД почти год: с 1 апреля 1938 г. по 25 марта 1939 г., после чего, как он сообщает в своей автобиографии, «освобождён за прекращением дела» [РАН, л. 10об, 12об.]. Точные причины и обстоятельства его ареста и освобождения остаются неизвестными (считается, что архивы НКВД-МГБ-КГБ Таджикистана были утрачены в 1992 г. во время гражданской войны), однако следует отметить, что, помимо сотрудников таджикского словаря, в это же время репрессиям подверглись и некоторые участники создания шугнанской письменности (ср. [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1989: 37]). В частности, с 4 мая 1938 г. по 10 августа 1939 г. шугнанский поэт и общественный деятель Нодир Шамбезода (настоящее имя Джамшед) находился под арестом, как утверждается, в связи с изданием поэтического сборника «Бутон» (шугн. *Гулғунчā*; [Каландаров 2020: 79], см. также [Абдулназаров 2015]), предисловие к которому на таджикском языке написал Климчицкий (№ 6 в списке трудов).

Вскоре после освобождения Климчицкий переезжает в Ленинград[47] (следует отметить, что ок. 1938 г. у него и Г. Н. Балашовой

[46] См. отчет: ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1А. Д. 254. Л. 99–100 (сообщено П. А. Дружининым).

[47] В работе над таджикско-русским словарем он больше не участвовал. Словарные статьи на буквы от И до Н подготовила А. З. Розенфельд. Словарь был окончательно сверстан уже в марте 1939 г., но не напечатан в связи с начавшейся кириллизацией языков СССР. Окончательно таджикская кириллица была утверждена лишь 21 мая 1940 г., перевод на нее должен был завершиться до 1 сентября 1941 г. Из-за начавшейся войны издание было отложено, первый том (до буквы Н)

родилась дочь Татьяна Сергеевна Климчицкая, ставшая впоследствии врачом); с 15 декабря 1939 г. он был зачислен и. о. старшего научного сотрудника в Среднеазиатский кабинет Института востоковедения АН СССР (руководил институтом в то время академик А. П. Баранников, когда-то бывший одним из преподавателей Климчицкого в Институте живых восточных языков) — вначале на половинный оклад [РАН, л. 8, 23], а с 15 мая 1940 г. он был переведен на полную ставку. Так закончился таджикистанский период его жизни. Трудно сказать, как могла бы сложиться его дальнейшая судьба в Ленинграде: ему едва исполнилось 40 лет и он, при благоприятных обстоятельствах, мог бы сделать еще очень много в самых разных областях науки. Но через год с небольшим началась война.

6. Во время войны

Когда началась война, Глафира Николаевна Балашова как сотрудница Эрмитажа уехала из Ленинграда в эвакуацию вторым (и последним) эрмитажным эшелоном 20 июля 1941 г. (за месяц с небольшим до начала блокады) и прибыла в Свердловск (куда был эвакуирован Эрмитаж) 1 августа 1941 г. С нею были дети: десятилетний Юрий и трехлетняя Татьяна, однако муж остался в Ленинграде [Эрмитаж 2021: 41]. Эвакуация Эрмитажа готовилась заранее и благодаря энергии и предусмотрительности И. А. Орбели прошла организованно и эффективно (насколько это было вообще возможно в те годы).

А. А. Фрейман виделся с Климчицким в блокадном Ленинграде в октябре 1941 г. незадолго до своей эвакуации. В ноябре он встретился в Свердловске с Балашовой и передал ей вести от мужа [Розенфельд 1988: 149].

Согласно неопубликованным свидетельствам коллеги Климчицкого Ольги Ивановны Смирновой [1944: 4–5] (с которыми нам любезно позволил ознакомиться А. Ю. Балашов), его состояние в конце первой — самой тяжелой — блокадной зимы было критическим, но в феврале 1942 г. ему «удалось устроиться в стационар, где он не-

---

был подписан к печати лишь в 1945 г. и вышел в свет в 1946 г. Он оказался единственным: было решено не доводить старый словарь до конца, а составить по той же картотеке новый однотомный [Бертельс 1954]. См. [Дружинин (в печати)].

много окреп» (о пребывании совместно с Климчицким в стационаре вспоминает и А. Н. Болдырев, см. ниже)[48].

25 февраля 1942 г. Климчицкий был отчислен из штата Института востоковедения АН «в связи с эвакуацией» [РАН, л. 12], однако реально эвакуирован он был только 25 марта 1942 г. по льду Ладожского озера в составе большой партии сотрудников Академии наук. Местом назначения его был Пятигорск [Кудрявцева 2015].

В Пятигорск, по-видимому, Климчицкий не поехал. Так или иначе, по крайней мере начиная с мая 1942 г. он находился в Краснодарском крае вместе с несколькими коллегами по Институту востоковедения: О. И. Смирновой (также участвовала в таджикско-русском словаре; с нею была мать Ольга Николаевна 1887 г. р.), Е. А. Разумовской и Б. Л. Фридлянд, а также с сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР востоковедом А. М. Беленицким; жили они сначала, по-видимому, в Тульском районе [Марахонова 2008: 27] (ныне Тульское сельское поселение Республики Адыгея, около 300 км к западу от Пятигорска), а затем — в станице Ахметовка Упорненского района [Марахонова 2010: 249] (ныне станица Ахметовская Лабинского района Краснодарского края, около 250 км к западу от Пятигорска)[49].

15 июля 1942 г. они были еще там. В одном из документов за июль 1942 года, по-видимому, речь также о них: «...Задержались в пути на Северном Кавказе 5 человек» [Там же]. Самый поздний доступный нам документ, достоверно написанный рукой Климчицкого, — это его письмо из Ахметовки жене в Свердловск от 17 июля 1942 г. Там он пишет, что «завтра или послезавтра» [Климчицкий 17/VII-42: 1] выезжает в Сталинабад, и оценивает предстоящий путь в «дней 12 езды» [Там же: 2]. В Сталинабаде он планировал устроиться в Та-

[48] Летом Климчицкий [3/VII-42: 4] уже писал в письме жене: «Я совсем здоров и дальнейшее мое пребывание [на Кавказе] для поправки уже бесцельно».

[49] Судя по свидетельству О. И. Смирновой [1944: 5–7] и письму Климчицкого [3/VII-42: 2], вместе с Е. А. Разумовской и А. М. Беленицким в Ахметовке также были кто-то из членов их семей; там же указано, что одним из их перевалочных пунктов была станица Лабинская (ныне город Лабинск), а Смирнова провела часть своего пребывания на Кубани на хуторе Куньша (ныне село Горное Лабинского района); собственно в Ахметовке до оккупации жили Беленицкие и Климчицкий.

джикский филиал АН СССР, но затем сразу же выехать в Свердловск, чтобы забрать жену и детей: «Как можно скорее нам надо быть всем вместе» [Там же]. Из его писем (как и из более поздних свидетельств О. И. Смирновой) ясно, что он придавал большое значение возможности в скором времени воссоединиться с семьей в месте, отдаленном от фронта и относительно благополучном в бытовом отношении.

Уже 8 августа 1942 г. Б. Л. Фридлянд и Е. А. Разумовская добрались до Ташкента, где находился Среднеазиатский филиал АН СССР [Марахонова 2010: 252]. А. М. Беленицкий оказался в Ташкенте «осенью 1942» [Абдуллоев 2005: 11].

Нам известно, что С. И. Климчицкий и О. И. Смирнова (по-видимому, без матери) выдвинулись из Ахметовки через «3 дня после Беленицких» [Смирнова 1944: 8], однако к тому моменту (конец июля — начало августа 1942 г.) немецкие войска уже были на Северном Кавказе. Климчицкий со Смирновой отступали с Красной Армией, однако в результате некоторых перипетий, детали которых нам остаются неизвестны, они застряли в станице Курджипской (ныне в Майкопском районе Республики Адыгея), где их и застигли войска вермахта [Там же].

Смирнова, по-видимому, провела в этой станице бóльшую часть периода оккупации [Там же: 8–9]. Климчицкий же в какой-то момент уехал в Майкоп («он думал, что там легче затеряться и остаться незамеченным[,] чем в станице» [Там же: 2]). По словам Смирновой, она последний раз видела Климчицкого в Майкопе «в конце октября [19]42 г[ода]», а «дней через 15» его там уже не было — он уехал, не сообщив никаких подробностей [Там же: 1]. Это последние известия, которые Смирнова получила о Климчицком.

Майкоп находился под немецкой оккупацией с 9 августа 1942 г. по 31 января 1943 г.; некоторые другие части Адыгеи оставались под контролем вермахта до середины февраля 1943 г. [Кринко 2022а].

А. Н. Болдырев, остававшийся в блокадном Ленинграде, получил 27 октября 1942 г. письмо от Н. А. Кислякова (мужа А. З. Розенфельд), что Климчицкий и Смирнова «затерялись где-то на Кавказе» [Болдырев 1998: 188–189]. 5 февраля 1943 г. Болдырев получил письмо от своего коллеги М. М. Дьяконова, который «побывал и в Средней Азии, и на Кавказе, где узнал о предполагаемой гибели С. И. Климчицкого и О. И. Смирновой. В перетурбациях [sic]? Как жили мы с ним

тогда, в феврале, в стационаре ДУ [Дома ученых], пока не эвакуировался он. В последний день говорил опять о делах моих. Почти невозможно представить себе, что он из какого-то положения все же не вышел[50]. Рукописи его остались в комнатах на Железноводской[51]. Сперва их должен был извлечь Мордовченко, но уехал, потом я, но не собрался. Как тащить с Голодая? Их много» [Там же: 254].

В действительности О. И. Смирнова осталась жива (сведениями о судьбе ее матери мы не располагаем). В письме Д. И. Тихонова из Ташкента А. Н. Болдыреву от 22 июня 1943 г. сообщается: «Получили письмо от Ольги Ивановны. Она жива, здорова. Ждем в Ташкенте. Сергея Ивановича не нашли» [Марахонова 2010: 249]. Только в августе-сентябре 1943 г. Смирнова приехала в Ташкент (требовалось получить официальный вызов от АН СССР) [Там же].

Ясно, что исчезновение Климчицкого во время оккупации было интерпретировано частью его близких и коллег как гибель. К 18 июля 1943 г. в Ленинграде получили письмо Глафиры Николаевны о (предполагаемой) смерти мужа: «Мы были на Голодае, и этим воспользовался я, чтобы посетить квартиру С. И. Климчицкого. Жиличка сказала, что недавно приходили проверять имущество в связи с письмом от жены его, в котором она также сообщала о его гибели. Сергей Иванович был блестящим лингвистом, знатоком согдийского и памирских диалектов, может быть, единственным в Союзе, тем самым и в Европе. Ленц и Моргенстиерне [sic] не годились ему в подметки в части знания памирских диалектов» [Болдырев 1998: 295].

Согласно оценкам советских комиссий, в Майкопе оккупационная администрация казнила свыше трех тысяч человек, в Майкопском районе — еще более сотни [Кринко 2022а], но идентифицирована была лишь небольшая часть жертв [Кринко 2022б]. В доступных нам списках опознанных[52] Климчицкий не значится.

---

[50] Болдырев даже не подозревает, насколько он оказался прав в своей оценке, см. ниже.

[51] Климчицкий с женой жили на острове Декабристов (до 1926 г. — Голодай) в доме 17 по Железноводской улице, кв. 1 [РАН, л. 2об, 10об, 12об; ТБАН, л. 3].

[52] Мы ознакомились с электронными публикациями следующих документов в базе данных https://бд.безсрокадавности.рф: 1) ГАКК. Ф. Р-837. Оп. 1. Д. 2. Т. 2. Л. 289–290; 2) ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 2. Т. 2. Л. 341–342; 3) НА РА. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 2 а. Л. 2–2 об.; 4) МАМР. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1. Л. 14–14 об.

Несмотря на это, О. И. Смирнова в конце войны в письме Г. Н. Балашовой писала (сохраняем оформление оригинала): «Я твердо уверена что Серг.[ей] Ив.[анович] жив и вот почему: когда я его видела в последний раз в Майкопе в конце октября [19]42 г. он выглядел прекрасно, был совершенно здоров и никаких предпосылок каких либо неприятностей для него не было» [Смирнова 1944: 1]. Она предполагала, что Климчицкий был перемещен в Германию: «Самое худшее что с ним могло произойти, и что видимо и случилось — это насильственный увоз в Германию» [Там же: 2]. Однако Климчицкий не значится в сохранившихся списках остарбайтеров[53] и военнопленных. Международный центр документации преследований национал-социалистического режима в Арользене, который хранит самое обширное собрание архивных документов, касающихся репрессий Третьего рейха, включая учетные карточки интернированных и перемещенных лиц, на официальный запрос одного из авторов данной статьи ответил, что не располагает никакими свидетельствами, которые могли бы пролить свет на судьбу Климчицкого.

Примечательно, что в предисловии к таджикско-русскому словарю, подписанному к печати 4 мая 1945 г. и вышедшему в свет в 1946 г. (№ 17 в списке в приложении), траурной рамкой обведены имена, например, Азарио Эфраимовича Муллокандова (ум. в январе 1942 г.), Варвары Михайловны Гулидовой (ум. в мае 1942 г.) и Лутфуллы Бузургзоды (ум. 12 ноября 1943 г.), но не имя Климчицкого — как и не имя Хабиба Юсуфи (ум. в феврале 1945 г.). Остается только гадать, что (не) знали составители словаря о судьбе Климчицкого и о чем (не) хотели умолчать.

Как нам удалось выяснить, Климчицкий действительно оказался в Германии. Архивные документы, с которыми нам удалось ознакомиться, не дают оснований однозначно утверждать, что это перемещение было принудительным (хотя, безусловно, он мог действовать под давлением обстоятельств, нам не известных). Судя по всему, Климчицкий мог оказаться в столице нацистской Германии уже в мае 1943 г. [EMK]. Нацистская администрация признала его этническим немцем, и Центральное иммиграционное управление (Einwandererzentralstelle, EWZ), в ведении которого была регистрация

[53] https://ost-west.memo.ru/; https://collections.arolsen-archives.org/.

«фолькcдойче», выписало для него свидетельство о натурализации (Einbürgerungsurkunde) № 763485 от 1 октября 1943 г. (с 1940 г. EWZ располагалось в Лодзи, в период германской оккупации называвшейся Лицманштадт). Любопытно, что в Германии он не стал использовать фамилию Тишнер, которую носила его мать, чье немецкое происхождение несомненно, а принял фамилию «фон Кляйнфельд(т) — Климчицки»: Sergius von Kleinfeld(t) — Klin(t)schi(t)zki (также Klimtschitski и т. п.; в некоторых архивных документах он фигурирует просто как Кляйнфельд)[54]. Напомним, что Кляйнфельд — это герб, к которому принадлежал дворянский род отца Климчицкого.

Регистрационная карточка на фон Кляйнфельдта — Климчицкого, сохранившаяся в картотеке жителей Западного Берлина, ныне находящейся в земельном архиве Берлина [EMK], содержит несколько столичных адресов Климчицкого с датами, но не все они хорошо читаются. Самый ранний адрес, датированный 28 мая 1943 г., — дом 11 по улице Лагарда (Lagardestraße)[55], в районе Целендорф на юго-западе Берлина. Место это, возможно, неслучайно. По-видимому, уже тогда Климчицкий был определен на службу в институт, находившийся в соседнем районе Ванзее. Институт Ванзее (Wannsee-Institut) находился в ведении Главного управления имперской безопасности СС (Reichssicherheitshauptamt, RSHA) и занимался сбором сведений об СССР для разведывательных целей; обзор его деятельности см., например, в [Botsch 2017].

Во второй половине 1943 г. в связи с участившимися бомбардировками Берлина институт был эвакуирован в замок Планкенварт в австрийской Штирии. Как следует из изученных нами документов (ср., например, [Wannsee: Bl. 74, 97, 129]), там же оказался и Климчицкий. Среди других сотрудников Института Ванзее, перебравшихся

[54] См. BArch. R 9361-IV (Personenbezogene Unterlagen der Einwandererzentralstelle)/49236. Дата и место рождения Климчицкого в немецких документах указаны верно с точностью до дня и города. Кроме того, в формулярных документах, например [EMK], отмечается, что он женат, но живет один, а также указывается, что он является верующим, но не принадлежит никакой религиозной общине (gottgläubig). Впрочем, в военно-учетной книжке [ÖStA] Климчицкого утверждается, что он холост и бездетен.

[55] Эта улица, переименованная в 1937 г. в честь востоковеда и антисемитского общественного деятеля Пауля де Лагарда, с 1972 г. носит имя литератора Вернера Бергенгрюна (Bergengruenstraße).

в Планкенварт, был Н. Н. Поппе [Poppe 1983: 176–179], крупнейший советский лингвист-монголист (также оказавшийся на оккупированной территории Северного Кавказа в 1942 г.; он перешел на службу нацистской Германии добровольно). Уже примерно в феврале 1944 г. Поппе снова вернулся в Берлин и поселился на той самой улице Лагарда, где до этого жил Климчицкий (Поппе оставался там примерно до июля 1944 г.). Маловероятно, что в Германии Поппе ни разу не пересекался с Климчицким[56], но, тем не менее, его довольно подробные мемуары [Там же] не содержат никаких упоминаний Климчицкого/Кляйнфельдта.

В январе 1944 г. по распоряжению RSHA в рамках Германского восточного общества (Deutsche Morgenländische Gesellschaft) была создана Рабочая группа по Туркестану (Arbeitsgemeinschaft Turkestan), целью которой должна была стать работа с выходцами из советской Центральной Азии и сбор разведывательных данных, см. [Brentjes 1985]. Один из руководителей этой группы, оберштурмфюрер Райнер Ольцша, ученик специалиста по Российской империи и СССР Георга Кляйнова [Botsch 2006: 180–181], захотел привлечь Климчицкого к своей работе.

В документе от 6 июня 1944 г., отправленном из Берлина в Планкенварт, речь идет о договоренности по поводу встречи Климчицкого с Ольцшей, не состоявшейся «по техническим причинам» [Turkestan: Bl. 213]. 16 июня 1944 г. Климчицкого официально просят приехать из Планкенварта в Берлин на неделе 2–8 июля [Wannsee: Bl. 89]. Судя по всему, Климчицкий явился в Берлин уже 2 или 3 июля, потому что 3 июля Юрген фон Хен (von Hehn), заместитель гауптштурмфюрера Вильфрида Краллерта, главы отдела VI G в RSHA, занимавшегося научно-разведывательными сведениями, рапортовал о нем [Wannsee: Bl. 101]:

> «Der oben Genannte ist Mitarbeiter des Wannsee-Instituts, wo er die Fragen Turkestans und des Irans bearbeitet. Seine reichen Kenntnisse auf diesem Gebiete machen ihn nicht nur für dieses Institut, sondern auch für die Arbeits-

[56] Поппе, преподававший в Институте живых восточных языков и работавший в Институте востоковедения АН СССР, несомненно был знаком с Климчицким до войны: статья последнего № 14 содержит фразу «Н. Н. Поппе сообщил мне о...» (с. 105). Однако, судя по документам из австрийских архивов [ÖStA], Климчицкий и Поппе, вероятно, жили в Планкенварте не одновременно.

> gemeinschaft Turkestan zu einer unentbehrlichen Fachkraft. Es ist daher unbedingt erforderlich, ihn der von den Forschungsinstituten von VI G geleisteten Arbeit zu erhalten»[57].

И далее рекомендовал как можно скорее заняться оформлением брони (Unabkömmlich-Stellung) Климчицкого от службы на фронте (30 августа 1944 г. его бронь была подтверждена [Wannsee: Bl. 124]). Однако уже 9 ноября 1944 г. другой документ гласит [Turkestan: Bl. 230]:

> «Durch den Gruppenleiter wurde nunmehr endgültig ⟨...⟩ folgende Regelung verfügt: ⟨...⟩ Prof. von Kleinfeld kann bei besonders dringenden Arbeiten von der Arbeitsgemeinschaft Turkestan angefordert werden, verbleibt jedoch im übrigen in verwaltungsmässiger Beziehung im Wannsee-Institut»[58].

По всей видимости, после этого Климчицкий вернулся в Планкенварт; во всяком случае, 20–23 марта 1945 г. он проходил медицинский осмотр в Австрии [ÖStA]. Согласно публикации Герда Фойгта, в одном из списков сотрудников управления VI G RSHA, работавших в Институте Ванзее в 1944 г., значится и «проф. Кляйнфельд-Климчицки» [Voigt 1994: 259] (судя по тому, что в указателе он дан без инициалов [Ibid: 467], Фойгт не смог идентифицировать личность Климчицкого).

По сведениям Гидеона Боча, был запланирован выход книги фон Кляйнфельда об Афганистане и Туркестане в серии «Kleine Auslandskunde». Эта серия издавалась Немецким институтом зару-

---

[57] «Вышеупомянутый является сотрудником Института Ванзее, где он занимается вопросами Туркестана и Ирана. Его обширные знания в этой области делают его незаменимым специалистом не только для данного института, но и для Рабочей группы по Туркестану. Поэтому безусловно необходимо сохранить его для работы, проводимой научно-исследовательскими институтами VI G» (здесь и далее перевод наш. — *Н. К.*, *В. П.*).

[58] «Руководитель группы окончательно утвердил следующее распоряжение: профессор фон Кляйнфельд может привлекаться к работе в Рабочей группе по Туркестану в случае особо срочных задач, однако в остальном он остается в административном подчинении Института Ванзее». Примечательно, что Климчицкий, который не окончил институт и в СССР не смог получить даже степени кандидата наук (а на полной ставке старшего научного сотрудника проработал менее двух лет), в немецких документах всегда последовательно именуется профессором.

бежных исследований (Deutsches Auslandswissenschaftliches Institut, DAWI), созданным национал-социалистами, и печаталась в издательстве «Юнкер и Дюнхаупт», тесно связанном с НСДАП; среди томов, которые успели выйти в свет, — «Турция» Готхарда Ешке (1941, т. 8), «Ирак» нацистского дипломата Фрица Гроббы (1941, 1943, т. 10), «Индия и Цейлон» Людвига Альсдорфа (1943, т. 29/30). В числе других запланированных, но не вышедших томов упоминаются «Монголия» Поппе, «Аравийский полуостров» Ханса Вера и мн. др. [Botsch 2006: 311]. Нам не удалось обнаружить следов работы Климчицкого над запланированным изданием. О точках соприкосновения DAWI с Институтом Ванзее и с отделом VI G в RSHA, в том числе по вопросам изучения советской Центральной Азии, см. [Ibid.: 189, 282–289].

Адреса Климчицкого в западноберлинской регистрационной карточке [EMK] доведены до сентября 1947 г. Самая поздняя отметка, которая имеется в этом документе, — это печать, датированная 27 августа 1957 г., которая, вероятно, означает погашение карточки вследствие переезда Климчицкого из Берлина (или его возможной смерти)[59]. Обстоятельства дальнейшей его жизни, если он пережил 1957 г., остаются неизвестны (никаких попыток дать знать о себе, в том числе и родственникам, он не предпринимал — возможно, не без оснований опасаясь поставить их под удар).

Жизнь С. И. Климчицкого трагическим образом разделилась на две части: завесу над второй частью нам удалось немного приподнять только сегодня. Многое здесь остается (и, может быть, навсегда останется) неясным: в отличие, например, от Н. Н. Поппе или Ю. В. Шевелёва, которые, попав в том же 1943 г. в Германию, впоследствии многие годы продолжали продуктивно работать (в конечном счете переехав в США), о профессиональной деятельности С. И. Климчицкого после 1944 г. достоверно ничего не известно.

[59] Отметим, что Климчицкий/Кляйнфельдт не значится в телефонных книгах 1945–1953 гг., покрывающих все секторы Берлина, как и в западноберлинских телефонных книгах 1954–1957 гг. и в адресных книгах 1943 и 1957 гг. (между этими двумя датами адресные книги не содержали имен жителей). Как штатный сотрудник RSHA он должен был бы пройти через процесс денацификации; тем не менее в картотеке по денацификации в земельном архиве Берлина Кляйнфельдт/Климчицкий также не значится. Если разбирательство о его деятельности в нацистских организациях и имело место, то не в Берлине.

Сколько бы лет ему ни случилось прожить, в этой второй половине жизни он выбрал для себя забвение и, насколько можно судить, никак не пытался реализовать себя в своей профессиональной области. Поэтому мы вправе в каком-то смысле говорить, что жизнь Климчицкого-ираниста, автора первых исследований по ваханскому, ягнобскому и другим языкам — эта жизнь завершилась в 1942 г. Но как бы то ни было, это не отменяет большой ценности всего им сделанного, как и необходимости помнить о его вкладе в изучение и развитие языков Памира. В своих работах, созданных им всего за 10 лет, с 1930 по 1940 гг., он предстает яркой личностью, талантливым и оригинальным исследователем, обладавшим острым, проницательным умом и разносторонними интересами. Сегодня мы понимаем, что он успел реализовать себя далеко не в полной мере. Но среди первых исследователей Памира ему по праву принадлежит одно из важных мест.

Приложение

Сочинения Климчицкого

К сожалению, не со всеми трудами Климчицкого нам удалось ознакомиться de visu. Укажем источники, просмотренные нами для составления нижеследующего списка работ Климчицкого:

- В. А. Денисова (сост.), З. М. Шевченко (отв. ред.). Библиография изданий Таджикской базы и Таджикского филиала Академии наук СССР: книги и статьи: 1933–1951. Сталинабад: Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1952.
- Н. П. Дебец, В. Ф. Дубровина, М. Г. Ижевская (сост.). Библиографический указатель литературы по языкознанию, изданной в СССР с 1918 по 1957 г. Вып. 1: Книги и сборники на русском языке, изданные в СССР, 1918–1955. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958.
- А. А. Фрейман (ред.). Введение в иранскую филологию. М.: Издательство восточной литературы, 1960.
- Р. О. Тальман, Т. И. Поддымникова, Г. Я. Якубов, Э. Н. Яковлева, М. Ахмедова, К. Джамалов (сост.). Каталог книг Таджикской ССР (1926–1956 гг.). Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960.
- О. Э. Ливотова. Библиография изданий Азиатского музея и Института востоковедения АН СССР (1917–1958) // В. И. Авдиев, Н. П. Шастина

(отв. ред.). Очерки по истории русского востоковедения. Сборник III. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 196–311.
- З. М. Шевченко, Д. С. Лейви. Библиография библиографий Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1966.
- М. Негматов (сост.). Библиография таджикской фольклористики (1872–1968). В 2 кн. Душанбе: Дониш, 1979.
- Л. Г. Козырева. Книжное дело Таджикистана: История книги. Печать. Библ. дело. Библиографоведение, 1924–1974 гг. Душанбе: [Б. и.], 1980.
- Д. С. Лейви, М. А. Бубнова (сост.). История Таджикистана: указатель советской литературы 1917–1983. В 4 т. Душанбе: Дониш, 1986.
- Sh. Shimada. Iranian languages of Central Asia: A selected bibliography of linguistic studies in Russia (электронный ресурс). 2000. URL: https://tufs.repo.nii.ac.jp/records/4904 (дата обращения: 26.05.2026).

Кроме того, был произведен поиск на портале «Электронная коллекция Летописей Российской книжной палаты за 100 лет» (URL: https://letopisi.dlibrary.org/, дата обращения: 01.10.2025), который содержит неполную оцифрованную подборку главных советских изданий текущей библиографии — «Летописи журнальных статей» с 1926 г. и «Летописи газетных статей» с 1936 г.

Обучение грамоте, педагогические и публицистические материалы

1. С. Климчицкий. Спорные вопросы таджикского латинизированного алфавита // К вопросу об едином литературном таджикском языке, терминологии и латинизированном таджикском алфавите. (Материалы работ комиссии по подготовке Научно-лингвистического съезда в г. Сталинабаде.) Сталинабад: Научно-методический сектор Наркомпроса Таджикской ССР, 1930. С. 41–44. 500 экз.
2. С. Климчицкий. На рельсах культурной революции // Коммунист Таджикистана. 20 ноября 1931 г. [О деятельности Наркомпроса ТаджССР, о подготовке к изданию словарей.]
3. S. Klimcitskij. Savodi toçikī. Kitobi avval. Kitobi ta'limi zaboni toçiki [sic] dar maktabhoji rūsiji daraçaji I. Stalinobod; Samarqand: Naşrijoti davlatiji Toçikiston, 1931. [С. Климчицкий. Таджикская грамота. Книга первая. Книга по изучению таджикского языка для русских школ первой ступени. Сталинабад; Самарканд: Таджикское государственное издательство, 1931.] 128 с. 3090 экз.
   - То же. 2-е изд. 1932. 127 с. 3000 экз.
   - То же. 3-е изд. 1933. 128 с. 5000 экз.

- То же. 4-е изд. 1934. 131 с. 4100 экз.

4. С. Климчицкий. Русский язык для таджиков. Сталинабад; Самарканд: Таджикское государственное издательство, 1932. 175 с. 10 000 экз.
5. M. Toşpūlotuf, B. Gitelmaxer, S. Klimcitskij. Zaboni toçikī baroji avropijon = Таджикский язык для европейцев: (Пособие для изучения таджикского языка работниками госаппарата и общественных организаций Таджикской ССР). [Сталинабад: Таджикгосиздат]; Л.: Типография «Коминтерн», 1932. 192 с.
   - Второе издание: Zaboni toçikī baroji avropijon = Таджикский язык для европейцев. Copi duvvum. Stalinobod: Naşri toçik, 1933. 191 с. 15 000 экз.
6. S. Klimcitskij. [Предисловие к сборнику поэзии на шугнанском] // Ҷамшед [Шанбезода]. Гулғунча [= Бутон]. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1937. С. 3–5. 3000 экз.
   - Перепечатано: С. Климчитский. Сарсухани нашри аввал [= Предисловие к первому изданию] // Ҷамшед Шамбэзода’. Гулғунча’ / Чопэ тайора’ чууҷ А. Бахтовьаршоев. Кӣйев: [Б. и.], 2012. С. 8–10.
7. Учебник шугнанского: «Климчицким написан первый учебник шугнанского языка, рукопись которого ныне хранится в фонде отдела памироведения [Института языка и литературы имени А. Рудаки АН ТаджССР]» [Масов 1985: 344].
8. Известно про шугнанский букварь: Inqilobi madani Pөndand [= На пути культурной революции]. Maktabeni çat. Stalinobod: [S. n.], 1932 или 1933; авторы — Шарифов, Мубаракшоев, Зинатшоев («коллектив шугнанцев» [ТБАН, л. 4]) и Климчицкий (упомянут в [РАН, л. 6об; ТБАН, л. 4; Оранский 1972: 336]). Отметим, что этот букварь не указан в предварительном списке книг на шугнанском, изданных в 1930-е гг. в период латинизации, в [Додихудоева 2005: 33–34].

Научные работы

9. С. И. Климчицкий. Ваханские тексты // Труды Таджикистанской базы АН СССР. Т. III: Лингвистика. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 75–124.
10. С. И. Климчицкий. Название Согдианы в топонимике Таджикистана // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. VI. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. С. 9–14.
11. С. И. Климчицкий. Ягнобско-согдийские соответствия // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. VI. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. С. 15–26. [Датировано 30 апреля 1934 г.].
12. С. И. Климчицкий. Дарвазские фахлавийот // Труды Таджикистанской базы АН СССР. 1940. Т. IX. С. 65–93.

13. С. И. Климчицкий. Ягнобская сказка // Труды Таджикистанской базы АН СССР. 1940. Т. IX. С. 94–103.
14. С. И. Климчицкий. Секретный язык у ягнобцев и язгулемцев // Труды Таджикистанской базы АН СССР. 1940. Т. IX. С. 104–117.
15. С. И. Климчицкий. Ягнобцы и их язык // Труды Таджикистанской базы АН СССР. 1940. Т. IX. 137–139. [Сборник, в котором опубликованы № 12–15, сдан в набор 27 мая 1938 г.]
16. С. И. Климчицкий. [Хроника. Доклады, прочитанные] в Среднеазиатском кабинете [Института востоковедения в 1940 году] // Советское востоковедение. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 321–322. [Подписано в печать 28 мая 1941 г.]
17. Е. Н. Павловский, Е. Э. Бертельс, Д. Икроми, Р. Джалил (ред.). Таджикско-русский словарь. Т. I: А–Н. Сталинабад; Ташкент: Государственное издательство Таджикской ССР, 1946. 5000 экз. С. И. Климчицким «подготовлены словарные статьи в окончательном виде» на буквы от А до И (см. предисловие к данному изданию и [РАН, л. 19, 21]).

Неопубликованные сочинения

- В развитие доклада, прочитанного в августе 1930 г. в Сталинабаде, С. И. Климчицкий составил работу «Спорные вопросы таджикской орфографии», рукопись которой хранится в АРАН: Ф. 676. Оп. 1. Д. 1064. Л. 1–57 [Дружинин (в печати)] (см. под № 1 выше опубликованные тезисы этого доклада).
- Климчицким «были подготовлены не увидевшие света публикации фольклорных материалов на памирских языках, работы по классификации шугнанских диалектов, по язгулемскому и сарыкольскому (тексты со словарем и комментарием) языкам» [Оранский 1972: 336].
- В частности, в списке своих трудов, составленном Климчицким около 1937 г. [ТБАН, л. 4–5], упоминаются:
  - Работа «Долина р. Язгулем и ее население» (доклад, прочитанный в марте 1936 г. на XVI пленуме ГАИМК в Ленинграде) указана как сданная в печать. Никаких следов этой публикации нам не удалось обнаружить; скорее всего, она не была опубликована из-за репрессий, коснувшихся руководства ГАИМК, и последующей реорганизации этой институции.
  - Лингвистическо-этнографическая карта Таджикистана в составе географического атласа ТаджССР, издаваемого

Таджикско-Памирской экспедицией. Карта упомянута как уже завершенная в [Отчет 1935: 553] и как принятая к печати в документе, составленном в конце 1936 или в 1937 г. [ТБАН, л. 4]. Атлас должен был выйти в 1937 г. [Памир 1936: 119–120], однако, по-видимому, так и не был опубликован: во всяком случае, он не значится в каталогах крупнейших библиотек и в доступных нам библиографических справочниках, включая такие авторитетные, как «Картографическая летопись».

- В качестве рукописей упомянуты: «Диалектология ягнобского языка» (про эту работу Е. Э. Бертельс в ноябре 1936 г. писал, что она «будет сдана в печать» «уже в текущем году» [ТБАН, л. 7]), «Языки Таджикистана», «Орфография на основе нового шугнанского алфавита», «Грамматика шугнанского языка».

- В более позднем списке трудов, датированном 10 июня 1941 г. [РАН, л. 17–22], также отмечены:
  - «Согдийские заметки» — «сдается в печать в 1941 году», «Степень изученности Памира в области истории, этнографии и языков» — «сдано» [Там же, л. 21].
  - «Попытка применения арабского алфавита в шугнанской письменности» (по материалам доклада 1940 г.), «Верхне-шохдаринский [sic] диалект (к классификации диалектов шугнанского языка)», «Превращение указательного местоимения в связку в иранских языках» — без указания дат.
- Борис Пильняк [1931: 106] опубликовал в одной из своих книг несколько коротких фрагментов из стихотворения таджикского поэта Пейрава Сулеймани «Индостан» (в сумме 24 строки) с пометкой, что перевод на русский сделан некоей «С. Климчицкой». Учитывая, что такое сочетание фамилии и инициала отнюдь нельзя назвать высокочастотным, а с Пейравом Сулеймани Климчицкий скорее всего был знаком, поскольку тот участвовал в работе над таджикско-русским словарем, мы предполагаем, что речь на самом деле может идти о выписках из перевода, выполненного Сергеем Ивановичем Климчицким, а в книге допущена ошибка в грамматическом роде. Тем не менее, нам не удалось обнаружить других следов этого перевода в печати или в архивах.

Список условных сокращений

АРАН — Архив Российской академии наук (Москва); ГАКК — Государственный архив Краснодарского края (Краснодар); ИВР РАН — архив Института восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург); МАМР — Муниципальный архив Администрации муниципального образования «Майкопский район» Республики Адыгея (Майкоп); НА РА — Национальный архив Республики Адыгея (Майкоп); СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук; ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга; ЦГАМ — Центральный государственный архив города Москвы; ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга; ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга; BArch — Федеральный архив Германии в Лихтерфельде (Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde, Берлин); KRVA — Каунасский региональный государственный архив (Kauno regioninis valstybės archyvas); LVIA — Литовский государственный исторический архив (Lietuvos valstybės istorijos archyvas, Вильнюс).

Источники

Основные архивные источники

ВУПД — Вилькомирский уездный предводитель дворянства. Списки дворян Вилкомирского [sic] уезда Ковенской губ[ернии], 1852. LVIA. Ф. 708. Оп. 2. Д. 649.

Климчицкий 3/VII-42 — [Письмо Сергея Ивановича Климчицкого Глафире Николаевне Балашовой от 3 июля 1942 г.]. Рукопись. 4 страницы. Семейный архив Андрея Юрьевича Балашова.

Климчицкий 17/VII-42 — [Письмо Сергея Ивановича Климчицкого Глафире Николаевне Балашовой от 17 июля 1942 г.]. Рукопись. 2 страницы. Семейный архив Андрея Юрьевича Балашова.

ЛИЖВЯ — Личное дело студента Ленинградского института живых восточных языков Сергея Ивановича Климчицкого. 1922–1925. ЦГА СПб. Ф. 7222. Оп. 30. Д. 1209.

Протокол 1934 — Протокол заседания комиссии при Совете народных комиссаров Таджикской ССР от 21 мая 1934 г., г. Сталинабад. Цитируется по копии из личного архива В. А. Лившица, предоставленной П. Б. Лурье.

РАН — Личное дело сотрудника Института востоковедения АН СССР Сергея Ивановича Климчицкого. СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 425. Передано на хранение в ИВР РАН с шифром: Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 301.

Смирнова 1944 — [Письмо от Ольги Ивановны Смирновой из Ташкента к Глафире Николаевне Балашовой от 22 октября 1944 г.]. Рукопись. 10 страниц. Семейный архив Андрея Юрьевича Балашова.

ТБАН — Личное дело сотрудника Таджикистанской базы АН СССР Сергея Ивановича Климчицкого. АРАН. Ф. 188. Оп. 2 (1934–1938). Д. 296.

EMK — Sergius von Kleinfeldt — Klintschizki. Земельный архив Берлина (Landesarchiv Berlin). B Rep. 021-01 Einwohnermeldekartei Berlin.

ÖStA — Kleinfeld, Sergius, 12.02.1900. Австрийский государственный архив (Österreichisches Staatsarchiv, Вена). AT-OeStA/AdR MilEv WStB Kleinfeld Sergius.

Turkestan — Ostasien-Institut. BArch. R 58 (Reichssicherheitshauptamt)/305.

Wannsee — Organisation und Aufgaben. Bd. 2. BArch. R 58 (Reichssicherheitshauptamt)/131.

Печатные и электронные первоисточники

Бертельс 1954 — Е. Э. Бертельс (гл. ред.), М. В. Рахими, Л. В. Успенская (ред.). Таджикско-русский словарь: 40 000 слов. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954.

Болдырев 1998 — А. Н. Болдырев. Осадная запись (Блокадный дневник). В. С. Гарбузова, И. М. Стеблин-Каменский (подг. к печ.). СПб.: Европейский Дом, 1998.

Весь Петербург — Весь Петербург на 1894–1917 гг.: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. [СПб.:] Издание А. С. Суворина (в 1915–1917 гг. — «Весь Петроград»). URL: https://nlr.ru/cont/v_p/index.php (дата обращения: 26.05.2026).

Добужинский 1987 — М. В. Добужинский. Воспоминания. Г. И. Чугунов (ред.). М.: Наука, 1987.

Добужинский 2001 — М. В. Добужинский. Письма. Г. И. Чугунов (подг. к изд.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

Калесник 1936 — С. В. Калесник (ред.). Труды ледниковых экспедиций. Вып. 1: Памир. Северный Памир и ледник Федченко. Л.: Таджикско-Памирская экспедиция, 1936.

Калесник, Щербаков 1935 — С. В. Калесник, Д. И. Щербаков (ред.). Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935.

Классон 2017 — М. И. Классон. Глава 15. «Классонята». Родственники Гарденины // Роберт Классон и Мотовиловы. Биографические очерки. Версия декабря 2017 года (электронный ресурс). URL: http://www.famhist.ru/famhist/klasson/glava15.pdf (дата обращения: 26.05.2026).

Коллонтай 1974 — А. М. Коллонтай. Из моей жизни и работы (Воспоминания и дневники). М.: Советская Россия, 1974.

Коллонтай 2001 — А. М. Коллонтай. Дипломатические дневники 1922–1940. В 2 т. Т. 1. М.: Academia, 2001.

Колокол 1861 — [Материалы для истории гонения студентов при Александре II.] IV. Официальный список студентам и другого звания лицам арестованным и доставленным в с. петербургскую крепость, 12/24 Октября 1861 года // Колокол. Лист № 114. 1 декабря 1861 г. Лондон: Вольная русская типография, 1861. С. 955–956.

Кудрявцева 2015 — Блокада Ленинграда. Эвакуация. Руководитель проекта Т. А. Кудрявцева. URL: https://evacuation.spbarchives.ru/card?cardRecordId=3771556 (дата обращения: 26.05.2026).

Лихачёв 1995 — Д. С. Лихачёв. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995.

Мартиролог — Списки репрессированных в Красноярском крае (электронный ресурс). URL: https://web.archive.org/web/20251206094751/https://memorial.krsk.ru/martirol/Kl.htm (дата обращения: 06.12.2025).

ОЛЯ 1940 — В институтах отделения: (Научная деятельность за вторую половину 1939 г. и первую половину 1940 г.) // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1940. Т. I. № 1. С. 119–127.

Отчет 1935 — Отчет о деятельности Академии наук Союза советских социалистических республик в 1934 году. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935.

Памир 1936 — Памир, Таджикистан, Средняя Азия: обзор трудов и материалов экспедиций 1932–35 гг. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936.

Пильняк 1931 — Б. Пильняк. Таджикистан — седьмая советская. Очерки. Материалы к роману. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1931.

ПК 1902 — Д. Г. Тюменев (ред.). Памятная книжка Воронежской губернии на 1902 год. Воронеж: Воронежский губернский статистический комитет, 1902.

ПН II — Петербургский некрополь. Том второй (Д—Л). СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1912.

Пӯлодӣ 1962 — А. Пӯлодӣ. Таърихи бозеёфтҳои қалаи Мӯғ [История находок крепости Муг] // Шарқи сурх. 1962. № 4. С. 153–157.

Розенфельд 1988 — А. З. Розенфельд. Письма из далекого тыла в далекий тыл // Г. Я. Смолин (ред.). Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XI. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. С. 145–154.

СВ 1941 — Доклады и сообщения, прочитанные на заседаниях кабинетов Института востоковедения в 1940 г. // Советское востоковедение. II. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 319–322.

Сведения 1860 — Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Ковенская губерния // Приложения к трудам Редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. VI: Извлечения из описаний имений по губерниям: Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Витебской, Виленской, Ковенской и Минской. СПб.: Комиссии для составления положений о крестьянах, 1860.

СЗРИ 1–16 — И. Д. Мордухай-Болтовский (ред.); Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг (сост.). Свод законов Российской империи: полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. Осн., и позднейшими узаконениями. СПб.: Деятель, 1912–1913.

Список 1889 — Алфавитный список землевладельцев Ковенской губернии. 2-е изд. Ковна: Типография Губернского Правления, 1889.

Список 1910 — Список окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения Императора Александра I за сто лет: 1810–1910. СПб.: [Б. и.], 1910.

Стасова 1969 — Е. Д. Стасова. Воспоминания. В. Н. Степанов (ред.). М.: Мысль, 1969.

Эрмитаж 2021 — Спасти и сохранить. Эвакуация Государственного Эрмитажа на Урал в документах, воспоминаниях, фотографиях и рисунках. Екатеринбург: ПК АСТЕР-ЕК, 2021.

ЯИМ 1935 — Язык и мышление. Вып. III–IV. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935.

ЯИМ 1936 — Язык и мышление. Вып. VI–VII. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936.

Album 1889 — A. Hasselblat, Dr. G. Otto (Bearb.). Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat: Verlag von C. Mattiesen, 1889.

Album 1910 — G. Adelheim (Hrsg.). Album Estonorum. Zusammengestellt von Axel von Gernet. 3. Aufl. Reval: Aug. Mickwitz, 1910.

Ciechanowicz 2001 — J. Ciechanowicz. Rody rycerskie Wielkiego Księstwa Litewskiego [Дворянские роды Великого княжества Литовского]. T. 3. E–K. Rzeszów: Fosze, 2001.

Kaşfiyoti 1933 — Kaşfiyoti ta'rixī dar rajoni Zahmatobod [Исторические находки в Захматабадском районе] // Baroji maorifi kommunistī. 18.X.1933.

Poppe 1983 — N. Poppe. Reminiscences. H. G. Schwarz (ed.). Bellingham: Western Washington University, 1983.

Railaitė-Bardė 2018 — Agnė Railaitė-Bardė. Mstislavo Dobužinskio heraldinis ir veksilologinis palikimas [Геральдическое и вексиллологическое наследие Мстислава Добужинского] // Mstislavo Dobužinskio heraldika: ne tik mokslas, bet ir menas [Геральдика Мстислава Добужинского:

не только наука, но и искусство]. Vilnius: Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka, 2018. P. 15–34.

Surwiło 1995 — J. Surwiło. 5. Odkrycia w Traszkunach i Dobużach Wielkich [Открытия в Трашкунах и Больших Добужах] // Kurier Wileński. 1995. Nr. 74 (12730). Piątek 13 października. S. 5.

Uruski 1909 — S. Uruski. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. T. 6 [Гербовник шляхты польской]. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1909.

Литература

Абдуллоев 2005 — Д. Абдуллоев. Основные вехи жизненного пути А. М. Беленицкого // В. П. Никоноров (отв. ред.). Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2005. С. 11–12.

Абдулназаров 2015 — А. А. Абдулназаров. Жизнь и творчество Нодира Шанбезода. Дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе: Таджикский национальный университет, 2015.

БРЭ 2008 — Калесник Станислав Викентьевич // Большая российская энциклопедия (электронный ресурс). 2008. URL: https://old.bigenc.ru/geography/text/2035205 (дата обращения: 01.06.2026).

Волков 2016 — С. В. Волков. Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

Волков 2025 — С. В. Волков. База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2025. Буква К. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf (дата обращения: 26.05.2026).

Грюнберг, Стеблин-Каменский 1989 — А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский. Несколько замечаний по поводу отклика А. С. Давыдова на статью С. В. Чешко // Советская этнография. 1989. № 5. С. 35–38.

Додихудоева 2005 — Р. Додихудоева. Из истории письменности шугнанского языка. Вводные замечания // И. М. Стеблин-Каменский, Д. Карамшоев, С. Ниёзов (ред.). Языки и этнография «Крыши мира». СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. С. 30–37.

Додыхудоева 2005 — Л. Р. Додыхудоева. Этнолингвистическая характеристика памирских языков // М. Е. Алексеев, Д. И. Эдельман, В. Ю. Гусев (ред.). Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (история и современность). М.: Институт языкознания РАН, 2005. С. 46–64.

Додыхудоева 2020 — Л. Р. Додыхудоева. История формирования письменности на памирских языках: разработка алфавитов // Л. Р. Додыхудоева, М. Б. Лашкарбекова (ред.). Иранское языкознание 2020. Труды международной научной конференции «Чтения памяти Б. Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения» (Институт языкознания РАН, Москва, 18–20 октября 2018). М.: Языки народов мира; НВИ, 2020. С. 259–283.

Дружинин (в печати) — П. А. Дружинин. Словарь советской эпохи: Неизвестные страницы филологической науки первой половины XX века. М.: Новое литературное обозрение. В печати.

Иерусалимская, Иванов 1990 — А. А. Иерусалимская, А. А. Иванов. Отдел Востока Государственного Эрмитажа // В. А. Суслов (общ. ред.). Эрмитаж. История и современность. М.: Искусство, 1990. С. 215–234.

Каландаров 2020 — Т. С. Каландаров. Из истории памирских языков: будущее начинается вчера // Вестник антропологии. 2020. Т. 50. № 2. С. 69–94.

Каландаров 2021 — Т. С. Каландаров. Первая азбука на шугнанском языке для взрослых и первые стихи молодого поэта Нодира Шамбезода // Родной язык. 2021. № 1. С. 17–29.

Каталог 2022 — Введение // А. Файзулаев (отв. ред.). Каталог памятников согдийской письменности в Центральной Азии. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований, 2022. С. 4–9.

Кононов, Иориш 1977 — А. Н. Кононов, И. И. Иориш. Ленинградский восточный институт: страница истории советского востоковедения. М.: Наука, 1977.

Кринко 2022а — Е. Ф. Кринко. Город Майкоп // Электронная энциклопедия геноцида советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны (электронный ресурс). URL: https://эг.безсрокадавности.рф/article/60589964 (дата обращения: 26.05.2026).

Кринко 2022б — Е. Ф. Кринко. Адыгейская автономная область // Электронная энциклопедия геноцида советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны (электронный ресурс). URL: https://эг.безсрокадавности.рф/article/60586332 (дата обращения: 26.05.2026).

Лившиц 2009 — В. А. Лившиц. Согдийские документы с горы Муг. 2009. Рукопись.

ЛЭС 1990 — В. Н. Ярцева (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Марахонова 2008 — С. И. Марахонова. Институт востоковедения АН СССР в Ленинграде в годы войны и блокады (по архивным данным) // Письменные памятники Востока. Т. 8. № 1. 2008. С. 21–36.

Марахонова 2010 — С. И. Марахонова. Деятельность Института востоковедения АН СССР в эвакуации (Ташкент, 1942–1945 гг.). По архивным материалам // Письменные памятники Востока. № 2. 2010. С. 247–263.

Масов 1985 — Р. М. Масов (отв. ред.). Очерки по истории Советского Бадахшана. 2-е изд. Душанбе: Дониш, 1985.

Медведев и др. 2013 — С. Г. Медведев, Н. А. Филиппова, С. А. Леонович. Памяти Юрия Сергеевича Балашова (25.XII.1931—28.IX.2012) // Паразитология. 2013. Т. 47. № 3. С. 185–196.

Оранский 1972 — И. М. Оранский. Древнеиранская филология и иранское языкознание // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1972. С. 305–339.

Пилкин 2005 — В. К. Пилкин. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. И. В. Домнин (ред.). М.: Русский путь, 2005.

Постников 2005 — А. В. Постников. Схватка на «Крыше мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. 2-е изд. М.: Риполклассик, 2005.

Розенфельд 1971 — А. З. Розенфельд. Дарвазский фольклор // Д. А. Ольдерогге (ред.). Страны и народы Востока. Вып. X: Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. М.: Наука, 1971. С. 208–217.

РПЛБ 1964 — Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. М.: Наука, 1964.

Рубакин 1979 — А. Рубакин. Рубакин (Лоцман книжного моря). 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1979.

РЭ — Тишнер Борис Августович // Русская Эстония (электронный ресурс). 2015–2018. URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=Тишнер_Борис_Августович (дата обращения: 26.05.2026).

Соколова 1967 — В. С. Соколова. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л.: Наука, 1967.

Соколова 1973 — В. С. Соколова. Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Л.: Наука, 1973.

Соколова, Грюнберг 1962 — В. С. Соколова, А. Л. Грюнберг. История изучения бесписьменных иранских языков // В. С. Расторгуева (ред.). Очерки по истории изучения иранских языков. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 118–128.

Стеблин-Каменский 1998 — И. М. Стеблин-Каменский. Александр Леонович Грюнберг-Цветинович (1 марта 1930 — 3 марта 1995) // М. Н. Боголюбов (ред.). Страны и народы Востока. Вып. XXX: Центральная Азия. Восточный Гиндукуш. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. С. 5–22.

Шилов, Карнаухова 1928 — Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь [в 5 томах]. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Ч. 2: Шестидесятые годы / сост. А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова. М.: Издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928.

Эдельман 1964 — Д. И. Эдельман. Современное состояние изучения памирских языков // Вопросы языкознания. 1964. № 1. С. 128–133.

Янонис 2020 — О. Янонис. Сурдегский в честь Сошествия Святого Духа на апостолов мужской монастырь: историко-краеведческий справочник паломника. 2-е изд. Каунас: Технология, 2020.

ABŽ 2022 — Marija STRACHOVA // Pasaulio anykštėnų bendrija. Anykštėnų biografijų žinynas (электронный ресурс). 18.01.2022. URL: https://www.anykstenai.lt/asmenys/asm.php?id=2591 (дата обращения: 26.05.2026).

Botsch 2006 — G. Botsch. "Politische Wissenschaft" im Zweiten Weltkrieg: die "Deutschen Auslandswissenschaften" im Einsatz 1940–1945. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2006.

Botsch 2017 — G. Botsch. Wannsee-Institut // M. Fahlbusch, I. Haar, A. Pinwinkler (Hrsg.). Handbuch der völkischen Wissenschaften: Akteure, Netzwerke, Forschungsprogramme. 2. Auflage. Oldenburg: De Gruyter, 2017. S. 1688–1692.

Brentjes 1985 — B. Brentjes. Die Arbeitsgemeinschaft Turkestan im Rahmen der DMG // B. Brentjes (Hrsg.). 60 Jahre Nationale Sowjetrepubliken in Mittelasien im Spiegel der Wissenschaften. Halle (Saale): Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg, 1985. S. 151–72.

Edelman, Dodykhudoeva 2009 — D. I. Edelman, L. R. Dodykhudoeva. The Pamir languages // G. Windfuhr (ed.). Iranian languages. London; New York: Routledge, 2009. P. 773–786.

Geiger 1901 — W. Geiger. Die Pāmir-Dialekte // W. Geiger, E. Kuhn (Hrsg.). Grundriss der iranischen Philologie. Bd. I. Abt. II. Strassburg: Karl J. Trübner, 1901. S. 288–334.

Kontrimavičius 2011 — T. Kontrimavičius. Prigimties skambesio ilgesys [Тоска по звукам природы] // Pasaulio anykštėnas. 2011. T. 38. Nr. 2. P. 16–19.

Korn 2019 — A. Korn. Isoglosses and subdivisions of Iranian // Journal of Historical Linguistics. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 239–281. DOI: 10.1075/jhl.17010.kor.

Minorsky 1937 — V. Minorsky. [Review of:] Trudi Tajikistanskoy Bazi. T. iii: Linguistica. Ed. by the Academy of Sciences of the U.S.S.R // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. 1937. Vol. 9. No. 1. P. 257–258.

Payne 1989 — J. Payne. Pāmir languages // R. Schmitt (Hrsg.). Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 1989. S. 417–444.

Tafażżolī 1999 — A. Tafażżolī. Fahlavīyāt // Encyclopædia Iranica (электронный ресурс). URL: https://www.iranicaonline.org/articles/fahlaviyat/ (дата обращения: 26.05.2026).

Voigt 1994 — G. Voigt. Rußland in der deutschen Geschichtsschreibung: 1843–1945. Berlin: Akademie Verlag, 1994.

Wendtland 2009 — A. Wendtland. The position of the Pamir languages within East Iranian // Orientalia Suecana. 2009. Vol. 58. P. 172–188.

References

Abdulloyev 2005 — D. Abdulloyev. Osnovnyye vekhi zhiznennogo puti A. M. Belenitskogo [Major milestones in the life of A. M. Belenitskiy]. V. P. Nikonorov (ed.). *Tsentralnaya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov: arkheologiya, istoriya, etnologiya, kultura. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Markovicha Belenitskogo (Sankt-Peterburg, 2–5 noyabrya 2004 goda)* [Central Asia from the Achaemenids to the Timurids: Archaeology, history, ethnology, culture. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the Centenary of Aleksandr Markovich Belenitsky (St. Petersburg, November 2–5, 2004)]. St. Petersburg: Institut for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 2005. P. 11–12.

Abdulnazarov 2015 — A. A. Abdulnazarov. *Zhizn i tvorchestvo Nodira Shanbezoda* [The life and works of Nodir Shanbezoda]. Candidate dissertation. Dushanbe: Tajik National University, 2015.

ABŽ 2022 — Marija STRACHOVA. *Pasaulio anykštėnų bendrija. Anykštėnų biografijų žinynas.* 18.01.2022. Available at: https://www.anykstenai.lt/asmenys/asm.php?id=2591 (accessed on 26.05.2026).

Botsch 2017 — G. Botsch. Wannsee-Institut. M. Fahlbusch, I. Haar, A. Pinwinkler (Hrsg.). *Handbuch der völkischen Wissenschaften: Akteure, Netzwerke, Forschungsprogramme*. 2. Auflage. Oldenbourg: De Gruyter, 2017. S. 1688–1692.

BRE 2008 — Kalesnik Stanislav Vikentyevich. *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian encyclopedia]. 2008. Available at: https://old.bigenc.ru/geography/text/2035205 (accessed on 01.06.2026).

Brentjes 1985 — B. Brentjes. Die Arbeitsgemeinschaft Turkestan im Rahmen der DMG. B. Brentjes (Hrsg.). *60 Jahre Nationale Sowjetrepubliken in Mittelasien im Spiegel der Wissenschaften*. Halle (Saale): Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg, 1985. S. 151–72.

Dodikhudoyeva 2005 — R. Dodikhudoyeva. Iz istorii pismennosti shugnanskogo yazyka: Vvodnyye zamechaniya [From the history of the Shughni written language: Introductory remarks]. I. M. Steblin-Kamenskiy, D. Karamshoyev, S. Niyezov (eds.). *Yazyki i etnografiya «Kryshi mira»* [Languages and ethnography of the "Roof of the World"]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2005. P. 30–37.

Dodykhudoyeva 2005 — L. R. Dodykhudoyeva. Etnolingvisticheskaya kharakteristika pamirskikh yazykov [An ethnolinguistic description of the Pamir languages]. M. E. Alekseyev, D. I. Edelman, V. Yu. Gusev (eds.). *Yazykovyye soyuzy Yevrazii i etnokulturnoye vzaimodeystviye (istoriya i sovremennost)* [Linguistic areas of Eurasia and ethnocultural interaction (history and modern

times)]. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2005. P. 46–64.

Dodykhudoyeva 2020 — L. R. Dodykhudoyeva. Istoriya formirovaniya pismennosti na pamirskikh yazykakh: razrabotka alfavitov [The history of the Pamir writing systems: The development of alphabets]. L. R. Dodykhudoyeva, M. B. Lashkarbekova (eds.). *Iranskoye yazykoznaniye 2020. Trudy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Chteniya pamyati B. B. Lashkarbekova k 70-letiyu so dnya rozhdeniya» (Institut yazykoznaniya RAN, Moskva, 18–20 oktyabrya 2018)* [Iranian Linguistics 2020. Proceedings of the international scientific conference "Readings in memory of B. B. Lashkarbekov on the 70th anniversary of his birth" (Institute of Linguistics RAS, Moscow, October 18–20, 2018)]. M.: Yazyki narodov mira; NVI, 2020. P. 259–283.

Druzhinin (in press) — P. A. Druzhinin. *Slovar sovetskoy epokhi: Neizvestnyye stranitsy filologicheskoy nauki pervoy poloviny XX veka* [A dictionary of the Soviet period: Unknown pages of philological science in the first half of the 20th century]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. In press.

Edelman 1964 — D. I. Edelman. Sovremennoye sostoyaniye izucheniya pamirskikh yazykov [The present state of research on the Pamir languages]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1964. No. 1. P. 128–133.

Edelman, Dodykhudoeva 2009 — D. I. Edelman, L. R. Dodykhudoeva. The Pamir languages. G. Windfuhr (ed.). *Iranian languages*. London; New York: Routledge, 2009. P. 773–786.

Geiger 1901 — W. Geiger. Die Pāmir-Dialekte. W. Geiger, E. Kuhn (Hrsg.). *Grundriss der iranischen Philologie*. Bd. I. Abt. II. Strassburg: Karl J. Trübner, 1901. S. 288–334.

Gryunberg, Steblin-Kamenskiy 1989 — A. L. Gryunberg, I. M. Steblin-Kamenskiy. Neskolko zamechaniy po povodu otklika A. S. Davydova na statyu S. V. Cheshko [Some remarks on A. S. Davydov's response to the article by S. V. Cheshko]. *Sovetskaya etnografiya*. 1989. No. 5. P. 35–38.

Iyerusalimskaya, Ivanov 1990 — A. A. Iyerusalimskaya, A. A. Ivanov. Otdel Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha [The Oriental Department of the State Hermitage Museum]. V. A. Suslov (ed.). *Ermitazh. Istoriya i sovremennost* [The Hermitage Museum. History and modern times]. Moscow: Iskusstvo, 1990. P. 215–234.

Kalandarov 2020 — T. S. Kalandarov. Iz istorii pamirskikh yazykov: budushcheye nachinayetsya vchera [From the history of the Pamir languages: The future begins yesterday]. *Vestnik antropologii*. 2020. Vol. 50. No. 2. P. 69–94.

Kalandarov 2021 — T. S. Kalandarov. Pervaya azbuka na shugnanskom yazyke dlya vzroslykh i pervyye stikhi molodogo poeta Nodira Shambezoda [The first Shughni primer for adults and the first poems of Nodir Shambezoda]. *Rodnoy yazyk*. 2021. No. 1. P. 17–29.

Katalog 2022 — Vvedeniye [Introduction]. A. Fayzulayev (ed.). *Katalog pamyatnikov sogdiyskoy pismennosti v Tsentralnoy Azii* [Catalogue of Sogdian writings in Central Asia]. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 2022. P. 4–9.

Kontrimavičius 2011 — T. Kontrimavičius. Prigimties skambesio ilgesys [Longing for the sounds of nature]. *Pasaulio anykštėnas*. 2011. T. 38. Nr. 2. P. 16–19.

Krinko 2022a — E. F. Krinko. Gorod Maykop [The city of Maykop]. *Elektronnaya entsiklopediya genotsida sovetskogo naroda natsistami i ikh posobnikami v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [An electronic encyclopedia of the genocide of the Soviet citizens by the Nazis and their collaborators during the Great Patriotic War]. Available at: https://эг.безсрокадавности.рф/article/60589964 (accessed on 26.05.2026).

Krinko 2022b — E. F. Krinko. Adygeyskaya avtonomnaya oblast [Adyghe Autonomous Oblast]. *Elektronnaya entsiklopediya genotsida sovetskogo naroda natsistami i ikh posobnikami v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [An electronic encyclopedia of the genocide of the Soviet citizens by the Nazis and their collaborators during the Great Patriotic War]. Available at: https://эг.безсрокадавности.рф/article/60586332 (accessed on 26.05.2026).

Kononov, Iorish 1977 — A. N. Kononov, I. I. Iorish. *Leningradskiy vostochnyy institut: stranitsa istorii sovetskogo vostokovedeniya* [The Leningrad Oriental Institute: A page in the history of Soviet Oriental studies]. Moscow: Nauka, 1977.

Korn 2019 — A. Korn. Isoglosses and subdivisions of Iranian. *Journal of Historical Linguistics*. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 239–281. DOI: 10.1075/jhl.17010.kor.

Kudryavtseva 2015 — *Blokada Leningrada. Evakuatsiya* [Siege of Leningrad. Evacuation] Project leader: T. A. Kudryavtseva. Available at: https://evacuation.spbarchives.ru/card?cardRecordId=3771556 (accessed on 26.05.2026).

LES 1990 — V. N. Yartseva (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990.

Livshits 2009 — V. A. Livshits. *Sogdiyskiye dokumenty s gory Mug* [The documents from Mount Mugh]. 2009. Manuscript.

Marakhonova 2008 — S. I. Marakhonova. Institut vostokovedeniya AN SSSR v Leningrade v gody voyny i blokady (po arkhivnym dannym) [The Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR in Leningrad during the war and blockade]. *Pismennyye pamyatniki Vostoka*. T. 8. No. 1. 2008. P. 21–36.

Marakhonova 2010 — S. I. Marakhonova. Deyatelnost Instituta vostokovedeniya AN SSSR v evakuatsii (Tashkent, 1942–1945 gg.). Po arkhivnym materialam [The activities of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR during evacuation (Tashkent, 1942–1945)]. *Pismennyye pamyatniki Vostoka*. No. 2. 2010. P. 247–263.

Masov 1985 — R. M. Masov (ed.). *Ocherki po istorii Sovetskogo Badakhshana* [Essays on the history of Soviet Badakhshan]. 2nd edn. Dushanbe: Donish, 1985.

Medvedev et al. 2013 — S. G. Medvedev, N. A. Filippova, S. A. Leonovich. Pamyati Yuriya Sergeyevicha Balashova (25.XII.1931—28.IX.2012) [In memory of Yuriy Sergeyevich Balashov (December 25, 1931—September 28, 2012)]. *Parazitologiya*. 2013. Vol. 47. No. 3. P. 185–196.

Minorsky 1937 — V. Minorsky. [Review of:] Trudȋ Tajikistanskoy Bazȋ. T. iii: Linguistica. Ed. by the Academy of Sciences of the U.S.S.R. *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London*. 1937. Vol. 9. No. 1. P. 257–258.

Oranskiy 1972 — I. M. Oranskiy. Drevneiranskaya filologiya i iranskoye yazykoznaniye. *Aziatskiy muzey — Leningradskoye otdeleniye Instituta vostokovedeniya AN SSSR* [The Asiatic Museum — The Leningrad Branch of the Institute for Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow: Nauka, 1972. P. 305–339.

Payne 1989 — J. Payne. Pāmir languages. R. Schmitt (Hrsg.). *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 1989. S. 417–444.

Pilkin 2005 — V. K. Pilkin. *V Beloy borbe na Severo-Zapade: Dnevnik 1918–1920* [In the White movement in the Northwest: Diary 1918–1920]. I. V. Domnin (ed.). M.: Russkiy put, 2005.

Postnikov 2005 — A. V. Postnikov. *Skhvatka na «Kryshe mira»: Politiki, razvedchiki, geografy v borbe za Pamir v XIX veke* [Battle on the "Roof of the World". Politicians, intelligence officers, geographers in the struggle for the Pamirs in the 19th century]. 2nd edn. Moscow: Ripol-klassik, 2005.

RE — Tishner Boris Avgustovich. *Russkaya Estoniya* [Russian Estonia]. 2015–2018. Available at: http://russianestonia.eu/index.php?title=Тишнер_Борис_Августович (accessed on 26.05.2026).

Rozenfeld 1971 — A. Z. Rozenfeld. Darvazskiy folklor [Darvaz folklore]. D. A. Olderogge (ed.). *Strany i narody Vostoka. Vyp. X: Srednyaya i Tsentralnaya Aziya. Geografiya, etnografiya, istoriya* [Countries and peoples of the East. Iss. 10: Middle and Central Asia. Geography, ethnography, history]. Moscow: Nauka, 1971. P. 208–217.

Shilov, Karnaukhova 1928 — *Figures of the Revolutionary Movement in Russia: A Bio-bibliographical Dictionary [in 5 volumes]*. From the Decembrists' predecessors to the fall of the tsarist regime. Vol. 1: From the Decembrists' predecessors to the end of 'Narodnaya Volya'. Part 2: The 1860s / compiled by A. A. Shilov and M. G. Karnaukhova. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Convicts and Exiles, 1928.

Sokolova 1967 — V. S. Sokolova. *Geneticheskiye otnosheniya yazgulyamskogo yazyka i shugnanskoy yazykovoy gruppy* [Genetic relations between Yazghulami and the Shughni language group]. Leningrad: Nauka, 1967.

Sokolova 1973 — V. S. Sokolova. *Geneticheskiye otnosheniya mundzhanskogo yazyka i shugnano-yazgulyamskoy yazykovoy gruppy* [Genetic relations between Munji and the Shughni-Yazghulami language group]. Leningrad: Nauka, 1973.Sokolova, Gryunberg 1962 — V. S. Sokolova, A. L. Gryunberg.

Istoriya izucheniya bespismennykh iranskikh yazykov [The history of research on unwritten Iranian languages]. V. S. Rastorguyeva (ed.). *Ocherki po istorii izucheniya iranskikh yazykov* [Essays on the history of research on Iranian languages]. Moscow: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. P. 118–128.

Steblin-Kamenskiy 1998 — I. M. Steblin-Kamenskiy. Aleksandr Leonovich Gryunberg-Tsvetinovich (1 marta 1930 — 3 marta 1995) [Aleksandr Leonovich Grünberg-Tsvetinovich (March 1, 1930 — March 3, 1995)]. M. N. Bogolyubov (ed.). *Strany i narody Vostoka. Vyp. XXX: Tsentralnaya Aziya. Vostochnyy Gindukush* [Countries and peoples of the East. Iss. 30: Central Asia. Eastern Hindu Kush]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1998. P. 5–22.

Tafażżolī 1999 — A. Tafażżolī. Fahlavīyāt. *Encyclopædia Iranica*. Available at: https://www.iranicaonline.org/articles/fahlaviyat/ (accessed on 26.05.2026).

Voigt 1994 — G. Voigt. *Rußland in der deutschen Geschichtsschreibung: 1843–1945*. Berlin: Akademie Verlag, 1994.

Volkov 2016 — S. V. Volkov. *Vyssheye chinovnichestvo Rossiyskoy imperii. Kratkiy slovar* [The highest officials of the Russian Empire. Concise dictionary]. Moscow: Russian Foundation for Support of Education and Science, 2016.

Volkov 2025 — S. V. Volkov. *'Participants in the White Movement in Russia' database as at January 2025. Letter K*. Available at: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf (accessed on 26.05.2026).

Wendtland 2009 — A. Wendtland. The position of the Pamir languages within East Iranian. *Orientalia Suecana*. 2009. Vol. 58. P. 172–188.

Yanonis 2020 — O. Yanonis. *Surdegskiy v chest Soshestviya Svyatogo Dukha na apostolov muzhskoy monastyr: istoriko-krayevedcheskiy spravochnik palomnika* [Surdegis Monastery of the Holy Spirit: local history handbook for pilgrims]. 2-e izd. Kaunas: Tekhnologiya, 2020.

Получено/received 25.03.2026 *Принято/accepted 01.07.2026*